

Счастье — это когда ты можешь обмануть жизнь.

Анонимный мудрец

ПРОЛОГ

О том, как Вика появилась на свет, я знаю благодаря *семейной мифологии* — со слов родителей и старших сестер. Родилась она дома, за три месяца до срока, и при этом весила не больше чем курица в советском гастрономе. С такими показателями Викины шансы на выживание стремились к нулю. Но, наверное, она не случайно родилась утром седьмого ноября, когда вся страна отмечала победу социалистической революции — в это время Вика праздновала свою первую личную победу: вопреки обстоятельствам, она просто выжила.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО

Лиса Алиса и Кот Базилио

Вика существовала в *моем мире* как некая данность, нечто само собой разумеющееся: старшая сестра, она всегда была рядом — с первого дня моей жизни, задолго до того, как я научился выделять ее в сознании среди прочих членов семьи. И если две другие сестры, значительно превосходившие нас по возрасту, к моменту моего рождения успели повзрослеть, уехали из родного дома, и я о них знал больше по рассказам родных, то Вика была непреложной частью повседневной реальности, в которой я рос.

Она же во многом и формировала эту реальность: старше на целых пять лет, сестрица пользовалась своим грандиозным жизненным опытом, чтобы воспитывать меня и навязывать собственные представления об окружающей действительности. Впрочем, в детстве я не сильно противился Викиной доминирующей роли: она умела на пустом месте устроить настоящее веселье, с ней никогда не было скучно — а что еще нужно ребенку для полного счастья?

Идеи для наших захватывающих игр мы зачастую черпали из волшебных телепередач, что строго дозированно, по-социалистически скупно выдавал единственный на страну канал Центрального ТВ. Всю неделю ждали как чуда субботний выпуск любимой программы «В гостях у сказки», а по воскресеньям — детскую «Абвгдейку» и взрослому «Утреннюю почту». Если не считать ежевечерних мультфильмов по будням, эти передачи были, пожалуй, единственным источником, утолявшим нашу жажду чего-то необыкновенного, запрдельного и красочного — вопреки черно-белому изображению на экране четвероногого телевизора «Горизонт».

Бывало, субботнее утро начинается обожаемым фильмом «Приключения Буратино» — мы сидим неподвижно, уставившись в телевизор, и, затаив дыхание, следим за развитием сказочных событий. Остальной мир в это время перестает существовать: мать с отцом спуют туда-сюда, суетливо собираются на дачу, но мы их просто не замечаем; пока идет кино, нас не прельстишь ни тертой морковкой с сахаром, ни даже дорогущим пломбиром за десять копеек.

Серия до обидного быстро заканчивается, а душу сотрясает от эмоций и рвет на части от желания тут же воссоздать историю, разыграв ее по ролям. Мы едва можем дождаться, когда черепахи-родители наконец-то упакуют дачные сумки, возьмут ведра с рассадой и умотают на огород. Как только за ними захлопывается дверь, в нашей детской вселенной происходит Большой Взрыв и начинается *акт творения*.

Воспоминания об играх, вдохновленных просмотром какой-нибудь сказки, неизменно связаны у меня с образом жуткого беспорядка в квартире: бардак всегда сопутствовал всплеску творческой энергии, был третьим действующим лицом в попытках преобразить упорядоченную, тусклую действительность советского детства, превратив ее в яркий балаган. Без хаоса, что на глазах рождался из бытовых вещей, накидок и покрывал, родительской одежды, целых и поломанных игрушек, предметов мебели, трудно представить то магическое очарование, которым вдруг наполнялось наше довольно скучное жилище.

— Ты будешь *кот* Базилио, а я — *лиса* Алиса, — говорит Вика, открывая кладовку и доставая наружу весь хлам, что за ненадобностью туда утолкли.

Она вытягивает из кучи старья дырявый болоньевый плащ, своим убожеством наверняка оскорбивший бы даже нищего Базилио, траченный молью материнский вязаный берет, строгий портфель отца из черного дерматина и убитые валяные тапочки с помпонами — все это барахло кидает мне и велит перевоплощаться в кота. Себе же находит куда более характерные вещи: черное трикотажное платье с отпоротым рукавом, но с розами по подолу, фиолетовую вязаную шаль, всю в затяжках, роскошное шапо́ из фетра и зеленый зонтик с поломанными спицами. Но главная находка — это облезлый лисий воротник: он сразу же делает образ предельно понятным и реалистичным! Я завидую и злуюсь: у меня в костюме нет ни одной детали, которая помогла бы идентифицировать родовую принадлежность персонажа — ни хвоста, ни даже усов.

— Не хнычь, — строго говорит сестра, — у нас будет *один хвост на двоих*.

Она напяливает свой невообразимо элегантный наряд и сзади просовывает под поясok рыжий воротник. Усевшись на трехколесный велосипед, приказывает мне встать позади и взять ее роскошный хвост, как шлейф. Я тут же забываю свои обиды и с гордостью выполняю поручение: *причастность к лисьему хвосту* наполняет меня ощущением счастья.

Потом Виктория-Алиса возносит над головой останки зонтика — и мы начинаем шествие по страницам сказки, нарезая круги вокруг гостиной.

— *Харчевня Трех Пескарей*, — торжественно объявляет сестра, обводя рукой старенький сервант у центральной стены. — *Я буду есть вон того зажаренного барашка, и еще вон того чудного гусенка...* А тебе что, Базилио?

— *Шесть штук самых жирных карасей*, — произношу я наизусть слова кота, — *и мелкой сырой рыбы на закуску*.

— *А мне еще парочку голубей на вертеле*, — входит в раж прожорливая лиса, — *да, пожалуй, немного печеночки...*

— А мне, а мне... — произношу я и, понимая, что на мою долю в тексте больше ничего не предусмотрено, быстро добавляю: — *Три корочки хлеба!*

Тотчас же мне на голову обрушивается зонтик с переломанными ребрами, а сверху раздается гневный вопль Вики:

— Идиот! Про корочки говорит *Буратино!* Ты всю игру испортил...

Я немедленно багровою лицом, бросаюсь на пол и захожусь в истеричном плаче с завываниями. Захлебываясь, сквозь рыдания ору благим матом:

— Дура проклятая! Сама все испортила! И расцарапала мне голову спицей! До крови! Я все папе расскажу, он тебя посохом отдубасит!

Я уже знаю, как можно манипулировать старшей сестрой: пригрозить, что доложу о ее бесчинствах родителям, а главное, не забыть напомнить про посох. Что это такое, ни один из нас ведать не ведает, но, когда рассерженный папенька произносит с расстановкой: «*Ну, погодите, вот я сейчас посох возьму!..*», наши детские сердца преисполняются священным ужасом и мы с визгом забиваемся под двуспальную родительскую кровать — в дальний угол, куда не доберется грозное оружие, в нашем воображении похожее на тяжелую отцовскую ручку с шпиастой головкой из металла.

Вот и сейчас при упоминании *посоховой расправы* Вика тут же сменяет гнев на милость и — о, хитрая лиса Алиса! — говорит елеиным голосом:

— Ну, Ромашильдочка, никому ничего не надо рассказывать. Давай я гляну, что там у тебя с головой — правда, что ли, немного поцарапала?

Я постепенно затихаю; шмыгая носом, встаю с пола и из вредности продолжаю обиженно оттопыривать нижнюю губу — пусть не думает, что меня так просто можно рожалобить!

Вика оглядывает мою черепушку и говорит слегка виноватым голосом:

— Ну, махонькая царапина только, никакой крови нет... Ты же не будешь про какую-то там царапинку родителям говорить?

— Ладно, не буду, — великодушно обещаю я, но тут же непререкаемым тоном заявляю: — Но только сейчас мы будем играть в концерт! — Теперь, когда сестра передо мной провинилась, я могу диктовать *свои* условия.

— Хорошо, — легко соглашается Вика. — Что будем петь — «Веселых ребят»? «*Папа, подари мне куклу*»?

— Не-а, не могу, у меня же нет *шевелиющихся брюк*, — говорю со вздохом, подразумевая роскошные брюки-клеш, какие в то время непременно носили исполнители всех ВИА. — Я лучше буду Софией Ротару!

Стремглав несусь в родительскую спальню, срываю с пирамиды подушек белые капроновые накидушки и сооружаю себе пышное платье, как у левицы в программе «Песня года». В это время Вика создает образ Розы Рымбаевой: из фиолетовой шали с сотней затяжек делает юбку, завязав ее на боку, надевает тяжелые белые бусы и достает из шкафа мамины лакированные туфли *на выход*. Трогать их Вике категорически запрещается, так же как мне — брать отцовские «бриллиантовые» запонки с большими переливчатыми стекляшками.

Вика снова усаживается в седло велосипеда и гордо крутит педали, то и дело теряя обувь, которая ей велика размеров на восемь. Это не смущает юную «Рымбаеву»: она ездит по комнате и громко распевает о том, что, дескать, *любовь ее нечаянно настигла и вся планета распахнулась перед ней*.

С энтузиазмом отыграв концерт, мы в финале двадцать семь раз исполняем на бис припев популярного шлягера «*Куба далека — Куба рядом*», аккомпанируя

себе вместо гитар на ракетках для бадминтона. Горлалим песню с неподдельным ликованием, какое, наверное, возможно лишь в глубоком детстве. Как пить дать, в тот день мы своим ором довели всех соседей до нервного припадка.

За полчаса до прихода родителей срочно начинаем уборку территории. Упихиваем весь хлам обратно в *черную дыру* кладовки, и игровая Вселенная бесследно исчезает до нового Большого Взрыва.

— Ты же ведь не скажешь маме про туфли? — уточняет Вика, пристально глядя мне в глаза: знает, что в случае раскрытия тайны ее ждет суровый нагоняй.

— Ну конечно нет! — с честным лицом обещаю я, даже не отводя взгляда. — Ябедничать нехорошо!

Разумеется, едва папенька с маменькой переступают порог дома, я первым делом сдаю Вику со всеми потрохами. Догадываюсь, что на следующий день меня настигнет жестокое возмездие: скорее всего, будут бить головой об пол и обзывать непотребными словами. Но это завтра, а сегодня я сполна испытаю сладость тайного нашептывания и уличения сестры в дурных поступках — пусть уже родители *сделают ей внушение*, а то что-то много стала себе позволять!..

Разбор полетов

Время от времени родители в воспитательных целях устраивали Виктории промывку мозгов — для этого в семье была введена особая процедура, которая и называлась «*делать внушение*». Уверяю вас, ничего общего с гипнотерапией и суггестивными методами воздействия она не имела — больше напоминала прямую психологическую атаку на неокрепшее детское сознание.

Ее сажали на стул перед диваном, где находились представители «святой инквизиции» (отец, мать и ваш покорный слуга), и начинали «разбор полетов». Забываясь в угол, я старался полностью копировать отца с его озабоченным выражением лица, с руками, тяжело лежащими на коленях, произвольно дергающейся ногой (последствие какого-то нервного заболевания) — и реально превращался в маленького старичка. В меня словно вселялся дух молчаливого осуждения: сжав губы, я смотрел на Вику с грустным порицанием — мол, что же ты творишь, сестра? И если родители давили НА нее словом, то я, маленький монстр, делал это при помощи выразительного взгляда.

Долгая процедура *внушения* в основном состояла из стандартного набора нравоучительных монологов и призывов делать то, что *положено нормальному человеку*, а не то, что *первое взбредет в голову*. Непредсказуемость же и нелепость Викиных поступков была просто притчей во языцех — рассказы о ее *нездоровых* чудачествах прочно вошли в семейные хроники.

Вот, к примеру, история, которая произошла еще до моего рождения (Вике тогда было около четырех) — родители даже спустя годы вспоминали ее с ужасом и негодованием. Как-то поздней весной пошли с малюткой поиграть во дворе, в песочнице, и оставили на три минуты одну: надо было за чем-то сбежать домой. Когда же снова вышли на улицу, той уже не было ни в песочнице, ни перед домом, ни вообще во дворе — словно в воду канула. Что тут началось! Обезумев от беспокойства и полные самых дурных предчувствий, мама с папой начали метаться по окрестностям, выспрашивать у людей, не видел ли кто девочку с бантиком и ведерком в руках, — все безрезультатно. Когда уже хотели бежать в милицию с заявлением о пропаже, догадались спуститься на Амурский бульвар — и что бы вы думали: Вика совершенно спокойно стояла у клумбы, рвала росшие по бордюру одуванчики и наполняла ими ведерко.

«Ну вот как можно было никому ничего не сказать и уйти аж на бульвар?! Как можно было догадаться без взрослых перейти дорогу с машинами?!» — спустя десятилетия возмущенно восклицали родители, отказываясь понимать мотивы столь чудовищного поступка: с их точки зрения, подобное поведение четырехлетнего ребенка было продиктовано непростительным эгоизмом.

Не имело смысла доказывать, что Вика могла это сделать без всякого злого умысла, просто внезапно захотела собрать букет цветов, что спонтанность — это так естественно для малышей. Всем адвокатам *детской самостоятельности* они заявляли: дитя имеет право делать лишь то, что не нарушает покой взрослых и не выводит их нервную систему из равновесия. Все остальные варианты — просто *ложь, пи*дежь и провокация*.

С тех самых пор Вика время от времени *чудила*. Один раз изрезала новое материнское платье, чтобы сшить пару костюмчиков для пластмассового пупса. Когда маменька увидела это безобразие, ее чуть кондрат не хватил; сгоряча она забыла похвалить дочь за стремление к рукоделию, сказать, что в будущем та может стать первоклассным модельером — зато наверняка произнесла много других слов, неправильных с точки зрения педагогической психологии.

В другой раз, по рассказам отца, Виктория с подругами пошла на улицу *христославить* — что это такое, для меня по сей день загадка, но, судя по всему, нечто ужасно постыдное: девочки вроде бы как выпрашивали у прохожих денег на мороженое или кино. Доброжелательные соседи застали Вику за этим занятием и тут же доложили родителям, а те чуть не умерли со стыда: вот ведь что теперь люди подумают об их *приличном* семействе!

Ах, конечно, родители прекрасно понимали, почему так происходит с их непутевой дочерью: когда Вика родилась, пришлось вливать в нее литры чужой крови, и они уже тогда опасались, что из-за этой поганой крови ребенок станет полудурью, — увы, их мрачные предчувствия подтвердились. Мама с папой искренне пытались помочь Вике превратиться из *полудури* в *нормальную девушку*, поэтому с непоколебимым упорством читали ей *нотации и делаи внушение*. Правда, толку от этих методов не было никакого: Вика молча слушала нравоучения, глядя куда-то в сторону, и, казалось, даже не пыталась вникнуть в суть *правильных* родительских слов — лишь вздыхала с облегчением, когда экзекуция заканчивалась, и спешила уйти к себе в комнату.

С возрастом ее иммунитет к нотациям лишь возрастал — юная Виктория сделалась totally невосприимчива к осточертевшим родительским поучениям. Отца это бесило до глубины души, и он любил восклицать в сердцах: «*Нет, ну не идиотка ли! Ей ссы в глаза — она скажет: божья роса!*»

Бывало, конечно, что что-то щелкнет в потемках Викиного сознания, и она начинает тихонько плакать — то ли от жалости к себе, то ли по какой другой причине, — но гораздо чаще сестра надевала удобную броню непроницаемости, отгораживаясь от досадных попыток родителей изменить ее несовершенный способ существования. Эта невидимая броня стала второй Викиной натурой, помогая переживать моменты, когда ее били в прямом и переносном смысле, плевали в лицо, когда жизнь немилосердно окунала ее мордой в грязь.

Музыка нас связала...

Исключительную роль в моей и Викиной детской жизни играла музыка: она лепила наше *эмоциональное тело* и облагораживала растущую личность.

Разумеется, дома у нас был проигрыватель — размером с туалетный столик деревянный ящик на ножках, со встроенными динамиками. Он позволял слушать

любимые песни в автономном режиме — не тогда, когда государство изволит тебя угостить музыкальным лакомством, а когда сам того пожелаешь.

Однако выпуском грампластинок заведовало все то же государство, и этот товар был не менее дефицитным, чем сухая колбаса и голландский сыр. Конечно, классики в магазинах было навалом, но в нашем семействе к ней относились равнодушно, и ценности для нас с Викой она не представляла. За *хорошей* же эстрадной музыкой приходилось в буквальном смысле охотиться: выспрашивали у продавцов, когда ожидается поступление новых пластинок Пугачевой, Ротару, «Бони М.», и, дождавшись оглашения даты, спешили в ЦУМ за час до открытия, чтобы диски, о которых ты месяцами мечтал, не раскупили более расторопные меломаны.

Случалось, зайдешь наобум в музыкальный отдел, а там дым коромыслом: на прилавок *выкинули* (сленг той эпохи) что-нибудь совсем фантастическое — к примеру, альбом Rainbow или Deep Purple. Встаешь в хвост километровой очереди и начинаешь гадать, хватит на тебя винила или нет. Вика оказывалась более удачливой, порой ей удавалось отхватить последний диск, — а на мне товар, как правило, заканчивался, и я брел домой совершенно убитый: вот ведь почти в руках держал золотую рыбку, а нет, сорвалась с крючка.

Мне было лет пять, когда жителей СССР околдовала своими мелодиями шведская группа «АББА». Однажды в «Утренней почте» показали видеоклип песни *SOS* — для меня это событие стало огромным потрясением, а одновременно началом новой эпохи в поп-музыке. Поразительно, этот квартет по сей день остается знаковой фигурой в моей личной музыкальной вселенной.

Тогда, ребенком, я начал бредить «беленькой» и «черненькой» певицами с их волшебными голосами и умолял Вику купить пластинку «АББА»: жизнь без песен шведских музыкантов казалась мне лишеной какого-то очень важного содержания. Однако верное своей политике государство еще нескольких долгих лет даже не думало выпускать собственные пластинки с их записями или покупать фирменные диски за рубежом.

Как-то во время сончаса в детском саду ко мне подошла воспитательница и тихо сказала, что за мной пришли. Я удивился столь раннему «освобождению» (обычно мать забирала меня вечером после работы), но еще больше обрадовался: ежедневное пребывание в садике порой было обременительной обязанностью.

Стремглав одевшись и убрав постель с раскладушкой, я выбежал в коридор — там стояла Вика, а под мышкой у нее была какая-то пластинка. Подойдя ближе и взглянув на диск, медленно офигеваю: по краю обложки красной вертикалью выстроились четыре огромные буквы — *A, B, B, A*. В то время я уже знал несколько знаков латинского алфавита и догадался, что могла означать надпись! В подтверждение моей догадки, из-под Викиной руки высовывались четыре знакомых лица — два женских и два мужских.

— Неужели «АББА»? — не веря в возможность свершившегося чуда, спросил я и потянул к диску ручонки. — Дай посмотреть!

— Убери клешни — щас все испортишь! — окриком остановила мой порыв сестра и быстро повернулась другим боком. — Я целый час перед зеркалом репетировала, как взять пластинку, чтобы надпись и портреты всем были видны! Представь, сейчас люди мне вслед оборачивались с разинутыми ртами: дескать, ого, у девушки есть пластинка «Аббь»!

— Ну дай хоть на обложечку взглянуть, — жалобно попросил я.

— Дома посмотришь, — отрезала Вика и двинулась к выходу.

Не помню уже, заглядывал ли в тот день кто-нибудь сестре под мышку, когда мы шли по улице, зато хорошо помню, что это был мой самый долгий путь из

садика до дома! Казалось, время остановилось и мы никогда не доберемся до проигрывателя, чтобы наконец-то начать бесконечное прослушивание диска, о котором уже даже перестал мечтать!

В конце концов переступили порог квартиры, и я тут же выхватил у Вики пластинку. Фирменный конверт выглядел очень странно: весь затертый, какой-то пожеванный, с надорванными уголками, он будто прошел через тысячи рук. Виниловая поверхность тоже находилась в плачевном состоянии: невооруженным глазом были заметны царапины, а розовый кружок в центре пластинки украшали какие-то красно-бурые пятна — не то следы от помидоров, не то запекшаяся кровь. Одним словом, у диска была *история*.

— Ты где такой откопала? — с удивлением спросил я, растерянно глядя на поруганное сокровище.

— А, у знакомых алкашей дома валялся, — ответила моя десятилетняя сестра. — Дали на недельку. Сказали, за сохранность отвечаю головой.

— На недельку? — уточняю с грустью. — А я-то уже надеялся, что это наш.

— Найдем где-нибудь, — деловито обещает Вика, сдувая с черной поверхности пылинки. — Может, на *барахолке* куплю.

Она кладет пластинку на резиновый вращающийся диск проигрывается и аккуратно ставит звукосниматель на бороздку перед первой песней. Слышится характерное шипение — и мы замираем, ждем начала композиции.

Ожидание как-то затягивается — черт возьми, заело, даже не начав играть! Вика переставляет иглу чуть дальше, и пространство вдруг заполняют лукавые аккорды, которые в жизни никогда ни с чем не перепутаешь: звучит знаменитая тема *Money, money, money*. Исполненные восторга, мы неподвижно сидим в креслах, внимая солирующему голосу «черненькой» Анни-Фрид.

Не успела начаться вторая песня, как игла принялась скакать на одном месте из-за очередной царапины.

— Едрена Матрена! — в сердцах произносит Вика, снимая иглу с пластинки. Она вынимает из школьного портфеля ластик и, утяжелив им звукосниматель, снова включает песню. Играет *Dancing Queen* — правда, в замедленном темпе, и голоса исполнителей какие-то «простуженные», но даже это не может убить ощущение, будто наш дом посетили ангелы музыки.

Диск оказался наполовину покоцанный, и некоторые песни удавалось послушать лишь фрагментами, потому что выровнять изувеченные царапинами места не мог никакой утяжелитель, — от досады хотелось вскрикнуть вместе с исполнителями: *Mamma mia!* Но мы, дети эпохи *дефицита*, радовались даже таким крохам, а уж каким наслаждением было снова и снова слушать полностью уцелевшие композиции!

К счастью, наша любимая *SOS* совсем не пострадала, и Вика в ходе многократных прослушиваний даже сумела снять текст песни. Ну или *как бы* снять: английским никто в семье не владел, а в школе она только-только начала «шпрехать» по-немецки.

Процесс шел следующим образом: «беленькая» Агнета начинает петь своим жалобным голосом, и Вика быстро записывает на бумаге некую звуковую абракадабру, которая чудится ее уху. Потом она еще раз двадцать выслушивает записанную «песню», снова и снова внося коррективы, а после этого принимается напевать вместе с исполнительницей, пытаясь выучить текст наизусть. Понятное дело, я принимаю в этом активное участие. И вот уже песня разучена, и мы вдвоем горланим ее во всю ивановскую, и в мире нет никого счастливей нас...

Сегодня наши детские попытки раздобыть слова любимой песни кажутся чрезвычайно забавными: с появлением Интернета можно просто зайти в Яндекс

и взять текст на любом языке мира. Однако в то далекое время песенным фанатам было непросто отыскать слова даже на русском языке.

Какой же выход придумала Вика? Она научилась молниеносно записывать слова песни *в реальном времени*, пока та звучит по радио или с экрана телевизора. В эпоху тотального информационного голода такой навык был бесценным — по крайней мере для тех, кто не мог представить свою жизнь без пения.

Допустим, по радио объявляют, что сейчас прозвучит композиция Раймонда Паулса *«Листья желтые над городом кружатся»*. Сестра тут же бросает свои дела и кричит мне: «Ромашильда, живо бумагу и ручку!» Я наспех выдираю из тетради разлинованный листок, хватаю если не ручку, то огрызок карандаша и несусь в гостиную, где висит радиоприемник. Эти приготовления проходят на вступительной мелодии, а когда звучат первые слова, Вика уже во всеоружии и начинает делать «стенограмму» песни: пишет чрезвычайно быстро, на ходу сокращая слова; если не укладывается в темп, удерживает в памяти по две-три строки и в результате ухитряется записать текст полностью, практически без искажений.

Случалось, конечно, что Вике не доставало лексического запаса и общего культурного уровня, чтобы распознать слово, и в результате у нее из-под пера выходили такие ляпы, что можно только диву даваться. Вот, к примеру, ее запись пугачевской песни *«Золотая карусель»*: «Я беднягам воробьям подарю свой непокой, свои окна от тебя занавешу *киселем*» — вместо «занавешу *кисеей*».

А вот так она записала отрывок из шутиливой песенки *«Надо подумать»*: «Ах, какая ночь была, и в облаках *тума* плыла...».

— Вика, что такое «тума»? — озадаченно спрашиваешь у нее.

— Ну, *тума* и есть *тума* — что тут непонятного, — отвечает она, но, видя твое недоумение, добавляет чуть менее уверенно: — Не кума же плыла!

Мне всегда было интересно, какой образ пронесся у Вики перед глазами, когда она писала это странное слово — наверняка нечто *туманное*, бесформенное. И поражаюсь, почему у нее «не хватило тямы» догадаться, что таинственная *тума* — не что иное, как *луна*.

«Так ведь *полудурь* — что с нее взять?» — не преминули бы сказать родители. Счастливые люди: у них на все был готовый ответ, они ведь знали *скорбную* правду об умственных способностях младшей дочери.

Доморощенные меломаны

В детстве Вика частенько мечтала вслух о том, как здорово было бы иметь дома магнитофон. «Представляешь, — говорила она, уставившись своими серыми глазищами в окно, — на пленку можно записать все что угодно, все концерты «Бони М.» и «Чингисхана» вместе взятые, и не нужно ждать, когда появятся в продаже пластинки».

Если в то время Вике чего-то очень хотелось, то вскоре этим загорался и я: она умела удивительным образом передавать мне свои желания, и я исподволь начинал принимать их за собственные. Так было и с магнитофоном. Я вслед за сестрой произносил это слово в жаргонно-сокращенном виде — *маг*, но даже не отдавал себе отчета, что этим мы наделяем звукозаписывающее устройство сверхъестественными характеристиками, воспринимая его как волшебство.

Время от времени я выразительно вздыхал в присутствии папеньки с маменькой и мечтательно произносил: «Эх, вот бы у нас был *маг* — можно было бы записать все песни «Аббы!»» Отец лишь фыркал и раздраженно отмахивался от этих прозрачных намеков: обычно родители игнорировали наши желания, выходящие за

рамки предметов первой необходимости — еда, одежда, школьные принадлежности. Мотив для отказа был неизменный: *денег нет — и баста*.

Подозреваю, что своими вздохами по поводу чудодейственного механизма я предкам всю плешь проел, потому что в один прекрасный день папенька вдруг сказал: «Ладно, собирайся, пойдем покупать тебе *маг*». А спустя несколько часов на столе в гостиной уже красовался купленный в расщочку бобинник «Снежить-203» — неуклюжий и тяжеленный монофонический «гроб». У магнитофона был нелепейший дизайн: шершавая на ощупь рабочая поверхность черного цвета, по бокам — две коричневые панели из полированного дерева (под стать тогдашней мебели), спереди — пластмассовая пластина из серых квадратиков, защищавшая встроенные динамики, — словом, жуть необыкновенная, но моим и Викиным восторгам не было предела. Еще бы, сбывлась наша давнишняя мечта — теперь у нас будет вся музыка, какую только можно пожелать!

Магнитофон купили вроде бы для меня, но в оборот его, конечно же, взяла сестра. Прежде чем дома появились катушки с полноценными музыкальными альбомами, Вика изошрялась в записывании через треугольный микрофончик, шедший в комплекте. То, как она это делала — отдельная история.

За стеной у нас жил сосед, отличавшийся пристрастием к современным исполнителям и популярным группам: частенько можно было слышать, как из его комнаты доносятся совершенно *чумовые* мелодии. Так вот, однажды Вике в голову пришла гениальная идея: поставить магнитофон прямо к соседской стене, дожидаться, когда он *врубит музон*, и записать песню-другую через микрофон, приставив его к месту, откуда звучало громче всего. И ведь дождалась, и успела настроить запись, и «украла»-таки знаменитую композицию «*Лестница в небо*» — то была ее первая победа в добывании музыкальной информации «шпионским» способом, а со временем она таким макаром записала чуть ли не целую катушку.

Освоившись с четырьмя дорожками, кнопками, рычажками и штекерами этого сложнейшего механизма, Вика начала создавать настоящую коллекцию. Иногда она приглашала домой подруг, обладательниц интересных записей, и те приходили с собственными магнитофонами, чтобы сестра могла переписать их музыку. В гостиной раскладывали обеденный стол, ставили «лицом к лицу» два аппарата, таинственным образом соединяли их шнурами и по несколько часов перегоняли альбомы с одной катушки на другую. Благодаря тем записям я впервые познакомилась с Pink Floyd, Scorpions, Led Zeppelin и другими легендарными западными группами. Меня неизменно очаровывала атмосфера, царившая на этих посиделках «посвященных», но рок-музыка так никогда и не стала моей любовью.

Зачастую Виктория сама уходила к кому-нибудь на сеансы звукозаписи. Она накрывала магнитофон черной крышкой, брала его за ручку, как чемодан, и начинала обход приятелей. «Снежить-203» весил килограммов пять, а то и все шесть и, должно быть, жестоко оттягивал руки двенадцатилетней девочки, пока она таскалась с ним по окрестностям. Но Вика, как пить дать, даже не замечала тяжести: ей безумно нравилось, что люди завистливо смотрят на ее ношу, потому что в то время далеко не каждая семья могла позволить себе такую дорогую покупку.

Из всей музыки, записанной на наш первый, незабываемый магнитофон, я по сей день считаю самым удачным приобретением сборники *блатных песен*. Это был поистине знаковый продукт советской эпохи — яркая и остроумная альтернатива заказным политизированным песням, лившимся с телеэкранов и из радиоприемников. Мелодии классического *одесского блатняка* были просты, но удивительно органичны и, главное, запоминались в два счета. А слова, какие потрясающие слова в этих песнях — в них жизнь так и бьет ключом! И пусть персонажи текстов — сплошь жулье, ворье да фарца, зато там в помине нет пафоса и призывов

к непрестанному подвигу — всей этой тошниловки, присущей официальной советской культуре.

Помню, мы с сестрой украшали гостиную к Новому году: развешивали гирлянды, вырезали снежинки и лепили их к потолку на длинных нитях. К нам присоединилась соседская девочка Света, лучшая подружка Вики, и попросила включить какую-нибудь музыку, чтобы было веселее. Та и включила блатные песни — она записала их накануне и еще не демонстрировала мне.

Один за другим зазвучали фееричные шедевры доселе неведомого жанра: «*В шумном балагане*», «*На Дерibasовской открылась пивная*», «*Я жиган московский, я король шпаны*», «*Холера*», «*С добрым утром, тетя Хая*». Мы со Светкой забыли про новогоднюю мишуру и, подперев подбородки кулачками, сели по разные стороны стола, посреди которого гордо возвышался магнитофон. Не в силах оторваться, мы, как заколдованные, слушали это роскошество, а Вика только хохотала и потешалась над нами: «Что, проняло, пупсики?! Да, это вам не «*Спят усталые игрушки*»! Все, живо встали и начали украшать елку дождиком».

В моей памяти эти песни так и остались навсегда связанными с ощущением близкого праздника и радостным ожиданием чуда, как бывает только в детстве под Новый год...

Откуда деньжата?

Вика всегда отличалась способностью добывать деньги на жизнь: уже в раннем школьном возрасте ее карман никогда не пустовал. Старшие сестры вспоминают, что еще в первом классе Вика начала разводить хомячков и сдавать их в зоомагазин по рублю за штуку.

По большому счету, источники ее доходов для меня и сегодня остаются загадкой, потому что с нашими родителями шиковать точно не приходилось. Правда, один из источников мне известен очень хорошо: долгое время в роли Викиного спонсора выступал я сам.

Став учеником, я ежемесячно стал получать от матери по пять рублей на завтраки. Но, кажется, лишь единственный раз сдал эти деньги классной даме и целых четыре недели давился в школьной столовой какой-то гадостью. А потом Вика предложила отдавать эти деньги ей: на пластинки, иностранную жвачку, солнцезащитные очки, фирменные футболки с барахолки — да мало ли что могло пригодиться в подростковом хозяйстве. Ну, я как начал выплачивать ей *оброк*, так несколько лет по инерции и отстегивал бабки, предназначенные для моего желудка: сначала по пять, а потом и по десять рублей в месяц.

В пору моего детства люди частенько собирали монеты по пятнадцать или двадцать копеек, а потом относили в магазин, где обменивали кучку мелочи на купюры. Я тоже неоднократно предпринимал попытку накопить деньги. Для этого завел специальную «копилку» — стеклянную бутылку из-под болгарского кетчупа — настоящего, из натуральных томатов! В ее горлышко свободно проходили пятнадцатикопеечные монеты, и я вечерами проверял материнский кошелек и отцовский карман, чтобы найти там металлические деньги нужного достоинства. Мелочь исправно отправлял в бутылочку, радуясь, что пустое пространство постепенно заполняется «серебром», и представлял, как в кассе магазина «Овощи-Фрукты» мне меняют это богатство на бумажные деньги.

Думаете, я *хотя бы раз* воспользовался плодами своих накопительных трудов? Как бы не так! Едва бутылка наполнялась, тотчас же как бы из ниоткуда возникала Вика с просьбой *занять* ей некую сумму — причем всегда именно столько, сколько

помещалось в моей копилке. Я начинал злиться, говорил, пусть катится ко всем чертям со своим «займи немного», ибо знал, что потом никогда не дождусь денег обратно. Моя злость порождала ответную ярость со стороны сестры — и вот мы уже вдвоем носимся по квартире и орем друг на друга. Морды у обоих красные, ненависть в крови так и клокочет, но самое обидное, я *заранее знаю*, что она победит: я трясущими руками выну из-под родительской кровати бутылку и в сердцах швырну на пол, сопровождая каким-нибудь гадким словом. А Вика мои проклятия по барабану — она поднимет копилку, хладнокровно выпрясет оттуда все до копейки и уйдет, даже не сказав спасибо. Я же немного отойду от горечи поражения и заново примусь собирать по крохам «состояние» — только для того, чтобы спустя какое-то время история точь-в-точь повторилась.

Потом сестра разнохала, что можно иметь кое-какую наличность, сдавая в «Букинист» книги, и стала периодически опустошать нашу не слишком богатую библиотеку. Вика никогда в жизни по доброй воле не держала в руках книгу и даже не могла вообразить, что она может иметь какую-то ценность помимо той, что измерялась реальными деньгами, поэтому с легким сердцем вытаскивала из шкафа томик-другой — потолще да покрасивее — и несла в заветный магазинчик.

Для меня же в ту эпоху книги были основным богатством; можете себе представить мое отчаяние, когда, возвращаясь из школы, вдруг замечал на полке в книжном шкафу пустое пространство. Я хорошо знал, что означает эта пустота, и меня начинало переполнять горькое чувство невосполнимой утраты. Обычно это чувство сопровождалось приступом сильнейшего гнева: я был так зол, что готов был оттаскать сестру за косы и надавать ей тумаков за самоуправство.

Бывало, Вика приходит домой, и я тут же начинаю бушевать, с пеной у рта требуя немедленно вернуть книги на место. А она *включает дурочку* и молча ходит себе по квартире, будто меня и нет. Или сидит, уставившись в одну точку, пока я не выпущу весь пар и не оглохну от собственного ора. К тому моменту она научилась идеально абстрагироваться от бурь и гроз, что время от времени обрушивались на ее голову: ты хоть изойдись криком и угрозами — ей все *хрен по деревне*. В любом случае, толку от моей злобы не было никакого: она ни разу не помогла мне возвратить ни единой книги.

Впрочем, не думайте, что наша подростковая жизнь состояла сплошь из битв и недоразумений. По большому счету, мы сосуществовали вполне мирно и весело. К нам часто приходили Викины подружки, и я вместе с ними играл *на щелбаны* в лото и карты. Если они «устраивали пир» (жарили яичницу с каким-нибудь незатейливым салатиком или просто делали бутерброды), звали за стол и меня — я пользовался уважением девчонок, потому что мог рассказать наизусть любую страницу из «Истории Древнего мира» за пятый класс. Они же обучили меня и парочке занятных фокусов: один из них — прыгающая на большом пальце спичка — имел феноменальный успех у моих одноклассников. А зимними вечерами мы устраивали роскошные посиделки при свечах: старшие девочки рассказывали «страшные случаи» и отчаянно жестикулировали, отчего на стенах разыгрывался холодящий кровь немой триллер, — я же сидел, забившись в угол дивана, полный ужаса и восторга.

Нельзя отрицать и того, что зачастую сестра помогала мне решать мелкие школьные проблемы. В первом классе я терпеть не мог уроки рисования, и, когда на занятие нужно было принести готовое изображение, Вика с удовольствием рисовала в моем альбоме цветными карандашами, — а я получал за это пятерки.

С неменьшим удовольствием она однажды переписала вместо меня целую страницу текста из учебника по родной речи. Не могу описать свое огорчение, когда, получив тетрадь, увидел в конце текста жирную двойку и учительский вопрос:

«Кто писал?!» Интересно, а на что я рассчитывал, сдавая работу, выполненную Викиным каллиграфическим почерком? Думал, что учительница ничего не заподозрит? Это было весьма самонадеянно с моей стороны: в то время я писал так безобразно, что на мои каракули невозможно было глядеть без слез.

Изредка Вика подбивала меня не ходить в школу, а потом своим *взрослым* почерком — якобы от лица матери — писала учителю записки. В них она объясняла, что накануне у меня была высокая температура, что меня тошнило и т. п., — поэтому я был вынужден целый день провести в постели.

Благодаря сестре я и сам научился придумывать неплохие *отмазки* — на тот случай, если, бывало, *накосячишь*, а спустя время правда о твоём проступке всплывает наружу. Главное было — уверенно врать и так запудрить мозги, чтобы люди искренне начали считать тебя *жертвой обстоятельств*. С этим полезным навыком выживания я успешно перешел во второй класс.

А по окончании учебного года мы с Викой на целое лето уехали в деревню, где жила наша старшая сестра Татьяна. И если я знал, что буду дни напролет читать про индейцев да слушать пластинки со сказками, то Вика составила целый список важных дел, которыми планировала там заняться.

Во-первых, ей хотелось под Таниным чутким руководством связать юбку «паркет». Во-вторых, зеленой пастой ГОИ начистить до нереального блеска свою золотую цепочку и пару мелких сережек — тоже из золота. А самое главное, *вытереть* до голубизны недавно купленные индийские джинсы цвета индиго. Последний пункт Вика собиралась реализовать весьма своеобразным способом.

— Я буду каждый вечер надевать джинсы и выходить на крыльцо *покурить*, — говорила моя тринадцатилетняя сестра. — Присяду, привстану, поеложу задницей по крылечку — за два месяца вытрутся как миленькие!

Не вытерлись, сволочи, зато продырявились в мотне. Это и немудрено: Виктория стремилась показать, что ноги у нее отросли на зависть всем, поэтому джинсы носила на три размера меньше, — пусть у мальчиков отпадут всяческие сомнения по поводу ее фигуры! В результате штаны на Вике быстро начинали трещать по швам — она еле успевала их штопать и покупать новые. Ничего не поделаешь — как говорится, красота требует жертв.

За неделю до своего четырнадцатилетия Вика подхватила инфекционное заболевание печени. Помню, утром обеспокоенная мама вызвала врача, потому что сестра была подозрительно желта лицом. Доктор осмотрел у нее белки глаз, пальцами простучал правое подреберье, задал несколько неаппетитных вопросов, а потом велел госпитализировать с диагнозом «болезнь Боткина». После того как Вику собрали и отвезли на скорой в больницу, в дом нагрянула целая бригада санитаров и весело провела дезинфекцию помещения. Мне тоже впрыснули в рот какую-то гадость.

День рождения сестра провела в больничной палате. В инфекционное отделение посетителей не пускали, поэтому отец оставил в приемной открытку с пожеланием «хорошо расти, слушаться родителей» и какой-то подарочек. Затем вышли наружу, дождалась, когда Вика выглянет в окно на третьем этаже, чтобы перекинуться с ней несколькими словами. Сестра была бодрa, оживленно говорила и вовсе не выглядела больной.

Когда же вернулась домой, первым делом расплела свои толстые косы и больше уже никогда их не заплетала. Мать была очень недовольна и все пыталась образумить Вику: дескать, бесстыжая, распустила патлы, вот из школы выгонят, тогда посмотришь! Но из школы ее никто не выгонял, и вскоре к «патлам» все привыкли. Мне кажется, что, распустив волосы, Вика неосознанно попрощалась с детством и вступила в дивную пору юности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЮНОСТЬ

Во всех ты, душенька, нарядах хороша...

Признаться, сестра никогда не казалась мне красивой: вытянутое лицо с высоким лбом, фамильный еврейский шнобель, оттопыренные уши, губы варениками, — ну и где же красота, спрашивается? А сейчас разглядываю снимки, где Вике лет пятнадцать или шестнадцать, и понимаю, что сильно ошибался. Она была очень яркая и на общей фотографии выпускного — в то время восьмого — класса отчетливо выделялась нестандартной внешностью среди одноклассниц — пухляшек с косичками и белыми бантами, — при этом выглядела гораздо взрослее их.

Вика и правда рано оформилась, превратилась в девушку: к четырнадцати годам у нее было упругое взрослое тело с развитой грудью и длинными ногами. Ну какие, к черту, косы с такой-то фигурой? Понятно, что она смотрелась куда эффектнее с распущенными волосами. Тем более что в то время они еще не были испорчены ни химией, ни дешевой краской, ни странным образом жизни — были пышные, шелковистые, вьющиеся на концах. Эти густые волосы до плеч да огромные глаза с длинными, сильно загнутыми по краям бровями — вот, пожалуй, самые выразительные детали Викиной внешности в тот период.

Одеваться сестра тоже умела, от природы обладала хорошим вкусом и знала толк в одежде: вещи носила такие, что выгодно подчеркивали все ее формы и при этом отвечали модным тенденциям. Любила облегающие батники ярких расцветок, навороченные джинсы и брендовые вельветовые брюки, элегантные приталенные плащи, босоножки на шпильках и остроносые замшевые сапоги — обязательно заграничного производства. К платьям относилась спокойно, но время от времени покупала — всегда что-то эксклюзивное.

Если в детстве Вика мечтала иметь магнитофон и даже *пианино*, то теперь все чаще ее желания бывали связаны с *крутыми шмотками*. Насмотревшись «буржуйских» журналов, она страстно хотела купить *настоящие* кроссовки, а их в то время невозможно было *достать* даже на барахолке — в единственном месте, где люди могли приобрести мало-мальски качественные импортные вещи (*иностранину*, как презрительно говорил отец). Жаждала носить роскошную шубу и норковую шапку, но далеко не каждая взрослая женщина могла себе позволить столь дорогую одежду, и уж, понятно, наши родители не собирались преподнести дочери-подростку такие подарки. Поэтому долгое время Вика таскала искусственную шубейку с узором елочкой да кроличью ушанку либо просто вязаную шапочку.

В пятнадцать лет она впервые обзавелась приличной зимней шапкой — правда, это была не норка, а пушистый белый песец с черным замшевым верхом. Смотрелось очень богато, и, несомненно, в школе Вика произвела настоящий фурор. Интересно, что у этой шапки сразу же появилась *история*.

В тот самый день, когда сестра впервые надела новый головной убор, она пошла с подружками его «обмывать». Сказала родителям, что вернется не позже девяти, но что-то задерживалась. Уже и я лег спать на диване в проходной комнате, и мама ушла в спальню, а отец уселся в кресло напротив меня и стал терпеливо дожидаться Викиного возвращения.

Я пробудился оттого, что сквозь сон услышал скрип пола — отец в темноте тяжело расхаживал по гостиной, то и дело подходя к окну. Я понял, что сестра так и не пришла домой.

Пробило одиннадцать. Отец пошел на кухню, включил свет и, порывшись в буфете, достал пузырек с сердечными каплями. Отмерил себе дозу, проглотил,

погасил свет и снова стал бродить из угла в угол. Часы пробили половину двенадцатого, потом прошло еще сколько-то времени, и в дверь наконец-то позвонили. Странно выдохнув, отец пошел открывать.

В прихожей послышалось цоканье каблучков, и Викин оживленный голос произнес: «Привет, пап, не спишь еще?» В ту же секунду ее «привет» сменился испуганным «Ай!», и до меня донесся глухой звук удара.

— Я тебе сейчас покажу «не спишь еще!» — сквозь зубы проговорил отец. Его голос выдавал сильнейшую ярость. Послышался второй удар — что-то упало на пол. Мне стало страшно, и я молча сжался под одеялом. — Ты где бродишь, е*** твою мать?! Ты хоть знаешь, который час?!

— Да мы с Анькой немного в кафе задержались, — будничным тоном попыталась объяснить сестра, но, не договорив, снова приглушенно вскрикнула.

— В каком кафе?! Все кафе в девять закрываются! Нет, вот ведь потаскуха! Ты у меня узнаешь, как по ночам шарахаться!

Все это отец говорил, через гостиную волоча Вику за волосы в ее комнату. Она успела снять только правый сапог и теперь, неестественным образом передвигаясь, стучала одним каблучком по половицам. Сама же молчала, не умоляла прекратить наказание, переносила взбучку без единого звука.

Наутро, собираясь в школу, я зашел к сестре в комнату, чтобы взять из шкафа одежду. Она сидела на разобранной постели и с сердитым видом вдевала в иглолку нитку. Рядом лежала новая шапка — одно «ухо» у нее повисло, и мех спереди выглядел слегка потрепанным.

— Мандюк, чуть песца не угробил, — проворчала Вика, пришивая к меховым «ушам» новые шнурки. — Теперь надо отпаривать, а то будет как кошка драная.

— Тебя-то саму не угробил? — поинтересовался я, вспоминая ночные звуки ударов в коридоре.

— Да нет, слегка кулаком по скуле проехал — так, ерунда, — махнула рукой Вика. — Если будет синяк, замажу тональным кремом...

Это был первый раз, когда отец применил в отношении Вики физическую силу: прежний метод словесных *внушений* оказался неэффективным, и надежды возложили на более сильнодействующее «лекарство». С тех пор ее периодически *лупили как сидорову козу*, чтобы *вышибить дурь*, однако практика показала, что побои тоже мало способствовали воспитательному процессу: сестра от них не становилась ни умнее, ни послушнее и продолжала поступать так, как считала нужным...

Первая авантюра

Вика стремительно взрослела, и так же быстро менялся круг ее подружек. Одноклассницы, с которыми она в детстве ходила в различные кружки и которые несколько лет были завсегдатаями нашего дома, постепенно исчезли с орбиты, а их место заняли другие девочки из класса — столь же быстро повзрослевшие особы, красотки и модницы.

В конце восьмого класса сестра сильно подружилась с новенькой ученицей — ее звали Марина. Это была крупная, вполне сформировавшаяся блондинка с длинными прямыми волосами и обаятельнейшей улыбкой. Марина искрометно материлась, хохотала всегда и по любому поводу и обладала мощной харизмой. Мне она казалась просто сногшибательной, и я был в нее тайно влюблен.

Сестра и ее новая подруга вскоре стали не разлей вода — каждый божий день после уроков приходили к нам. Марина была настоящая интеллектуалка: в отличие от Вики, запоем читала, поэтому я быстро нашел с ней общий язык. За чаем мы

могли часами обсуждать прочитанные книги и постоянно обменивались литературой из собственных запасов. Помню, как Маринка с горящими глазами делилась впечатлениями от повести «Дикая охота короля Стаха» (сейчас под страхом смерти не скажу, о чем там речь), как сокрушалась над судьбой Дженни Герхардт, как взвлек хохотала над приключениями героев Ильфа и Петрова. А я как-то раз начал очень подробно излагать содержание романа Дюма «Асканио» — Марина выслушала мой «чтецкий спектакль» и потребовала пересказать книгу до конца. На это у меня ушло несколько недель (шутка ли — озвучить шестьсот с лишним страниц), но, вдохновляемый вниманием красивой слушательницы, делал это с упоением и всем доступным мне артистизмом. Это была какая-то невероятная дружба между взрослой девушкой и неуклюжим третьеклассником-книгоцелем, но я и сегодня вспоминаю наши *литературные чаепития* с особым, ностальгическим чувством.

В начале девятого класса она перешла в другую школу и, к моему великому огорчению, перестала ежедневно приходить к нам в гости. По словам Вики, как раз в это время в семье у подруги возникли сложности — не с кем стало оставлять ее годовалую сестру: Марина с утра уходила в школу, мать на работу, а сиделка неожиданно переехала в другой город. Им надо было срочно найти выход из положения, и сердобольная Вика предложила свои услуги: она сказала, что в первой половине дня вместо уроков будет ходить к Марине и сидеть с маленькой Наденькой, пока одна из хозяек не вернется домой. Те были несказанно рады такому предложению и даже назначили Виктории небольшую плату за помощь.

Придумав какую-то мифическую болезнь, сестра совершенно спокойно забросила учебу в девятом классе и каждое утро, напялив школьную форму, шла работать няней. Как-то раз — не помню по какой причине — она не пошла сама и послала к Маринке меня: я тогда учился во вторую смену и мог выделить утром пару часов, чтобы подменить Вику. Несколько месяцев мы тайком от родителей ходили сидеть с малышкой, а сестра за это еще и исправно получала деньги. Я не требовал своей доли: был и так бесконечно счастлив за возможность лишний раз пообщаться с Мариной.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта история, не ввяжись Вика в одну авантюру — мало того что аморального, так еще и преступного характера, — после чего разразился грандиозный скандал и доступ в Маринкин дом был для нее навеки закрыт. О своей затее сестра никому не рассказывала, поэтому детали я узнал уже позже, после того как правда о ее коварном поступке вылезла наружу и мать Марины чуть не завела на Вику уголовное дело.

Произошло же все следующим образом: как-то раз, привычно извлекая из Маринкиного почтового ящика газеты, журналы и корреспонденцию, Вика увидела извещение о переводе на триста рублей (в то время — огромные деньги), — оно было выписано на имя матери. Сумма Вику весьма заинтересовала, и у нее моментально созрел хитрый план: никому не показывать извещение, на время взять из секретера паспорт *тети Веры*, прогуляться до отделения связи и получить заветные деньги. Если семья подруги не узнает об этом переводе, то и не расстроится, подумала Вика, решив, таким образом, нравственную сторону дела. Разумеется, сестре не хватило ума окинуть мысленным взором возможные последствия своего плана, предугадать все нюансы развития событий, иначе, как пить дать, сама бы испугалась того, что задумала сотворить.

Уложив ребенка спать, она вытащила паспорт и целый час старательно копировала подпись тети Веры — в итоге добилась почти идеального сходства. Сунув документ в сумку, уничтожила следы своей «тренировки», дождалась возвращения одной из хозяек и пошла домой, чтобы сделать прическу и макияж, какие были на фото в паспорте.

Вику нимало не смущало, что в свои пятнадцать с половиной лет она всерьез собиралась выдать себя за сорокалетнюю женщину: *полудурь* ведь — что с нее возьмешь?

На ее счастье, неопытная кассирша на почте прежде никогда не имела дела с попытками *подлога*. Она лишь несколько раз удивленно перевела взгляд с фотографии на физиономию моей сестры и неуверенно сказала:

— Что-то вы *непохожи на себя*.

— Ну как же непохожа? — взрослым, *интеллигентным* голосом возразила Вика и с усмешкой развела руками. — *Посмотрите получше*.

Выдать, кассирша почувствовала себя пристыженной, потому что поскорее отсчитала деньги и, пряча глаза, выдала их посетительнице, чтобы та не дай бог не пошла жаловаться на нее начальству...

О том, как Вика потратила украденные триста рублей, история умалчивает. Я не припоминаю, чтобы у нее тогда появились какие-то ценные вещи — золото, дорогая одежда и т. п., — скорее всего, бабки она просто растранижила: одних сводила в ресторан, другим бессрочно заняла, с третьими дома прокутила, — да мало ли способов выкинуть деньги на ветер? Думаю, она даже не заметила, как от той суммы не осталось ни копейки.

Избавившись от денег, сестра стала спокойно жить дальше — до того дня, пока тетя Вера не получила с почты *подтверждение* о том, что собственноручно получила денежный перевод на триста рублей. Вот тут-то и разыгралась буря.

Однажды вечером мама что-то готовила на кухне, Вика ей помогала, а я делал уроки в своей комнате — неожиданно раздался звонок в дверь, и через пару минут я услышал в прихожей голоса Марины и тети Веры. Гости прошли на кухню, и какое-то время женщины и девочки о чем-то говорили — вполголоса, так что через закрытую дверь я не слышал содержания их беседы. А потом все громче и громче стал звучать хриплый голос Маринкиной матери — по ее интонациям я понял, что она вне себя от гнева и в чем-то обвиняет Вику. Внезапно тетя Вера заорала в голос.

— Сука, тварь неблагодарная! Я тебе верила, как родной дочери, а ты мне такую свинью подложила! — услышал я из комнаты, и затем до меня донесся хлесткий звук пощечины. — Ты что, б***, не знаешь, в каком мы положении находимся?! Сука, верни деньги, или я тебя в колонию упеку!..

Тетя Вера вволю накричалась, «благословила» Вику еще несколькими звонкими пощечинами и ушла, прихватив с собой дочь и запретив ей впредь общаться с этой «двуличной прошмандовкой».

Дело завершилось тем, что наши родители по частям выплатили тете Вере долг и та не стала подавать заявление в милицию. Но великая дружба Марины и Вики подошла к концу. Кажется, они больше никогда в жизни не встречались...

Место встречи изменить нельзя

Пожалуй, Марина была последней из Викиных знакомых, у кого на лице был написан интеллект и кто принадлежал к *приличному* среднему классу, как и наша семья. После того как бывшая одноклассница исчезла с горизонта, к сестре начали притягиваться люди, о чьем происхождении и образе жизни можно было только догадываться. Где она с ними знакоилась, никто не знал: Вика об этом не считала нужным рассказывать.

Мало-помалу девочки сменялись мужиками и взрослыми тетками. Помню, поначалу были типы, вполне сносные на вид, но потом все чаще стали появляться какие-то *гоблины* и *гоблинши*: парни с *деформированными* лицами, гниющими зубами или вообще пустыми пастьями, из которых торчал клык-другой; женщины с

незаживающими синяками в сопровождении *пришибленных* детей с вечно голодным взглядом. Мою юную, свежую сестру почему-то неумолимо потянуло именно к таким людям — убогим, обделенным внешностью, умом и какими-либо устремлениями, нередко отсидевшим срок и навсегда *потерянным*. Вика словно *репетировала* свое будущее окружение, в котором проведет вторую половину жизни, и уже тогда стала приобретать черты, характерные для этого класса: у нее очень рано начали портиться зубы, и сначала она старательно маскировала зияющие дыры расплавленным воском.

В школу Вика упорно не ходила даже после того, как перестала сидеть с Маринкиной сестрой, — вместо этого чуть ли не ежедневно устраивала в квартире посиделки со своими *живописными* приятелями. А что: родители, как и весь трудящийся народ, уходили на работу к девяти утра и возвращались после шести вечера, поэтому трехкомнатная хата целый день находилась в ее распоряжении, — почему бы и не покутить с друзьями?

Собирать гостей именно в нашем жилище было экономически выгодно, так как у нас всегда имелись нехилые запасы бесплатного алкоголя: в родительской спальне за кроватью обычно стояли пять-шесть огромных бутылей — в них папа с мамой, заядлые дачники, изготавливали фруктово-ягодное вино. Это поило и так не отличалось изысканным букетом, но, когда Вика после очередной пьянки доливала в опустевшую бутылку два-три литра воды из крана (*чтобы предки не спалили*), оно и вовсе превращалось в убийственную гадость. Родители, кажется, не сильно различали вкусовые нюансы собственной винной продукции и были неизменно довольны этой отравой — не важно, разведенной или нет. А уж новых Викиных друзей это и подавно не волновало — главное, чтобы в голову приятно ударял хмель и жизнь хоть ненадолго окрашивалась в радужные цвета.

Понятно, что, находясь в эпицентре этих сходов, я не мог всегда оставаться сторонним наблюдателем и время от времени принимал участие в застольях с приятелями сестры. Эти удивительные персоны казались мне пришельцами с других планет, но иногда мне было действительно интересно с ними общаться, совместное же распитие вина лишь усиливало *взаимопонимание*.

Какое-то время к нам захаживала одна колоритная дама по имени Татьяна. Была она довольно высокая и не то чтобы толстая, но какая-то бесформенная, с тряским жирком на руках и животе. У нее косил один глаз, и никогда нельзя было сказать наверняка, в какую сторону Танюша смотрит. Когда она выпивала, глаза собирались в кучу, и тогда, как ни странно, взгляд лучше фиксировался на одном предмете, нежели это было в трезвом состоянии. Момент Танькиного опьянения можно было легко вычислить: она принималась петь. Пела громогласно, причем всегда одну и ту же частушку о первом девичьем разочаровании:

*Полюбила Ваньку я, оказался без х***,
На х*** такой мне нужен? На х*** мне без х***?!*

Однажды Татьяна принесла самиздатовскую книжицу — сборник матерных стихов и прозаических миниатюр безымянных авторов. Господи, как я хохотал, когда она выразительно читала шедевры народного творчества! Я по сей день не знаю ничего остроумней, чем пошлая поэма «Балерина» из того сборника:

*Ох ты мать твою эти с этой балериной —
Бросил словно как в п*** три рубля с полтиной!
И попутал меня бес детям не на радость
Видеть в восемьдесят лет этакую гадость...*

Были там и рифмованные наблюдения за детьми, развращенными ранним половым просвещением, и баллада про бобра-*потрахунчика*, и отчет о том, как английский король *Мудило Второй* выдавал замуж дочь *Пиздемону Третью*, и даже нецензурная версия моей любимой сказки — про то, как, «нажравшись в сраку», старик Карло вырезал из «трухлявого полена» куклу:

*Вот еловый человечек по подвалу заходил —
Папа Карло вместо х*** ему гвоздик вколотил.*

Словом, это был полный восторг! Уже изнемогая от смеха, я сквозь икоту попросил Татьяну оставить на денек восхитительную книжку и скопировал ее от корки до корки, любовно переписав скабрзные произведения в блокнот.

Я влет выучил стихи наизусть и потом с удовольствием читал их Викиным гостям, наслаждаясь гомерическим хохотом нетрезвых слушателей. В школьной раздевалке устраивал поэтические чтения перед группой одноклассников — они офигевали от того, что слышали подобное от *меня*, неисправимого «ботаника» и любимчика всех учителей. Даже много лет спустя, став взрослым человеком, я мог удивить публику неожиданным выступлением, и почти всегда стишки производили фурор. Я до сих пор благодарен судьбе, что она сделала мне в детстве такой роскошный подарок — бережно его храню, пронося сквозь года, и считаю эти опусы образчиками гениальной поэзии.

Вольная птица

Вика целое полугодие не ходила в школу, и в конце концов об этом узнали родители. Когда стариков уведомили, что ее могут отчислить за прогулы, их чуть паралич не разбил. Взяв дочь-*полудурь* за шкуру, они пошли к директору обсуждать варианты развития событий. Ей предложили два пути: остаться в девятом классе на второй год или покинуть школу с аттестатом о восьмилетнем образовании. Сестра, давно утратившая вкус к учебе, выбрала второй вариант.

Став вольной птицей, Вика открыто ударилась в загулы. Она стала уходить из дому сначала на сутки, потом на двое, и это происходило все чаще.

Поначалу родители сильно переживали внезапные Викины исчезновения: она никогда никому не говорила, с кем встречается, куда уходит, у кого остается ночевать. Телефона для сестры тоже будто не существовало: в жизни не позвонит предупредить, чтобы ее не ждали и спокойно ложились спать, — мать с отцом по очереди проводили бессонные ночи в бесплодных ожиданиях.

Когда Вика впервые исчезла на три дня, родители почернели от тревоги и скрепя сердце собирались подавать в милицию заявление на розыск пропавшей, но тут отец на улице столкнулся с бывшим сослуживцем — тот сообщил ему, что накануне видел Вику в каком-то *бичевнике*, который находился недалеко от центрального кладбища. Та, мол, его узнала, спросила, помнит ли он Романова Р. Р., и радостно поведала, что она его дочь.

— Романыч, забери ты поскорей девчонку из этого притона, — сокрушенно качая головой, воскликнул сослуживец и написал на бумажке адрес. Ссылаясь на слабое сердце, отец отправил в «бичевник» маму — и меня для поддержки.

Вика была сильно раздосадована нашим неожиданным визитом и хотела было отослать обратно, но мать с нехарактерной для нее жесткостью пригрозила доставить ее домой с милицией, и сестра нехотя уступила.

К нашему возвращению папенька приготовил «приветственную речь» да ремень пошире. Не успели мы переступить порог, как он набросился на *блудную*

дочь с проклятиями, криками, матами — и давай ее хлестать где ни попадя! Вика спокойно пережила наказание — чай, не впервой! — и через два дня снова ушла в загул, на этот раз пятидневный.

Со временем сестра стала пропадать из дома на неделю-другую, а то и на целый месяц — «переезжала» к все новым и новым приятелям. Почти незнакомые люди были рады ее накормить, обогреть и приютить — возможно, потому, что отсутствие мозгов у Вики восполнялось легким, веселым нравом, потрясающим чувством юмором и необременительностью в совместном проживании. Она отличалась покладистым характером, была добра и равнодушна к любому человеку: в нужную минуту внимательно выслушает, посочувствует невзгодам и порадуетсся удаче. К тому же, Вика была необычайно хозяйственная: и в доме приберется, и вкусный обед приготовит, и с ребенком по нянчится, — поэтому одинокие мамыши принимали ее с распростертыми объятиями, и она на время становилась членом их семейства.

Недетские игры

Отец у нас никогда не отличался пробивными способностями, но все же его связей хватило на то, чтобы без вступительных экзаменов устроить Вику в захезанное техническое училище, и спустя полгода после ухода из школы сестра снова отправилась учиться — осваивать профессию сантехника.

Поначалу Вика ходила на учебу с большим энтузиазмом: ей нравились одногруппники, нравилось, что не нужно носить дурацкую школьную форму с комсомольским значком, нравилось работать руками. Она весело рассказывала, как на занятиях вместе со всеми режет на станках чугунные трубы и учится скреплять различные детали, — словом, проявляла явную склонность к рабочей специальности. Ну а к представителям рабочего класса Вику и так давно тянуло: с ними она чувствовала себя гораздо уютнее, чем с «драной интеллигентией».

Сестра сдружилась с одним студентом — розовошечким толстяком Артемом — и частенько приводила его после уроков к нам на обед. Он приходил из училища, одетый в грубую спецовку, но при этом на нем всегда был какой-нибудь пестрый галстук яркой расцветки. Сегодня, в эпоху постмодерна, я бы сказал, что это необычайно стильно, но тогда подобный оксюморон в одежде казался мне вопиющей безвкусицей.

Однажды Вика назначила Артему встречу у нас дома, а сама задержалась. Он пришел раньше и, снимая тулуп, загадочно вытащил из внутреннего кармана свернутый в трубку журнал. Пройдя в комнату, развернул его и, положив на стол, сказал заговорщицки:

— Ну-ка, Ромик, зацени...

На обложке издания с фотографией блондинки в шелковом белье было размашисто написано — *SEX*. А внутри... ой, мама, что скрывалось внутри! Журнал был полон изображений, что в десятки раз превосходили самые смелые фантазии и самые горячие сновидения тинэйджеров. Широко распахнув глаза, со страниц глядели всякие Конни, Лили, Кейти и Сюзи — одни красовались в первозданной наготе, другие же вроде как прикрывались тряпочками, но все равно оставались предельно обнаженными. Я впервые в жизни разглядывал *порнографический* журнал, и нетрудно догадаться, какое неизгладимое впечатление он на меня произвел.

На этом журнале Артем планировал зарабатывать хорошие деньги: он собирался переснимать фотографии красоток, делая из них уменьшенные черно-белые изображения и изготавливая колоды эротических игральных карт, а потом продавать

любителям «клубнички». Так как в советское время подобной продукции в магазинах не было по определению, то *любителей* могло набраться более чем достаточно.

Артем нуждался в помощнике, который занимался бы распространением фотографий и карт, и он предложил Вике стать *партнером по бизнесу*. Сестра водила знакомство с необъятной кучей парней и мужиков, и их вполне могло заинтересовать подобное «искусство», поэтому она, не раздумывая, приняла предложение Артема.

Дело закипело. Вскоре половина учеников в «фазанке» стали счастливыми обладателями этих чаровниц: одни покупали Конни, другие западали на Сюзи, а особо состоятельные сметали оптом весь «гарем». Карты пользовались большой популярностью у заключенных, что когда-то на свободе пересекались с Викой. А ведь еще оставались бывшие одноклассники, собутыльники, друзья друзей — сестра ни про кого не забывала, всем предлагала *кое-что интересное*.

Какое-то время журнальчик был неиссякаемым источником денежных поступлений, а прибыль, наверное, в десятки раз превосходила расходы на изготовление кустарных фотографий. Сами посудите, снимок средних размеров стоил пятьдесят копеек, а за большое глянцевое фото просили от рубля до трех — в зависимости от того, сколько мяса на нем можно было увидеть. Карты же Артем продавал не меньше чем по десять рублей за колоду и каждый раз ворчал, что грабит самого себя, отдавая за бесценное *произведение искусства*.

Возможно, не было бы конца столь прибыльному бизнесу, кабы в один прекрасный день отец не обнаружил кипу готовой продукции в морозилке неисправного холодильника, что стоял у сестры в комнате. Папаня ничего не сказал Вике о своей находке, а на следующий день во время званого обеда (он отмечал день рождения) вынес снимки и давай метать их перед гостями!

— Нет, вы только подумайте, что за идиотка у меня младшая дочь! — возмущенно говорил именинник, передавая по кругу озорные картинки. — Это ж надо — держать дома такую гадость! Подсудное ведь дело — она что же, хочет меня *под монастырь подвести*?

Отец не замечал, что его сослуживицы, приличные женщины в возрасте, от стыда готовы залезть под стол, и все изливал, изливал свою ярость. Наконец прилюдно изорвал все фотографии на мелкие кусочки, чтобы *нормальные* люди, чего доброго, не решили, что он у себя в доме поощряет хранение порнографии.

Когда Артем узнал о случившемся, он был взбешен и прекратил с Викой всяческие отношения — и деловые, и дружеские. Кажется, потребовал, чтобы сестра возместила ему издержки, связанные с изготовлением снимков, но как там уладился конфликт, я уже, честно говоря, не помню.

Богемная тусовка

Родители тихо надеялись, что в училище Вика будет относиться к учебе более сознательно, нежели в школе: как-никак профессию получает, разве тут можно халтурить? Однако рвение, которое она проявляла на первых порах, мало-помалу улетучилось. Ее одолела скука, и душа вновь возжелала свободы. Как раз кстати у Вики завязались романтические отношения с сорокалетним ловеласом, так что ей стало совсем не до учебы.

Дело было так. Однажды вечером сестра ехала в автобусе на заднем сидении — вся такая миловидная, с модной прической, в новом кожаном плаще и золотыми «гвоздиками» в ушах. К ней подсел импозантный седеющий мужчина и сказал с подкупающей простотой:

— Девушка, а не выпить ли нам за знакомство по коньячку?

— Не боитесь, что из автобуса выгонят за распитие? — усмехнулась сестра.

Тот расхохотался и доверительно положил руку ей на колено.

— Вообще-то я имел в виду какой-нибудь ресторанчик, — сказал он, — но мне нравится ход ваших мыслей, вы интересная девушка. Кстати, меня зовут Юрий. Я профессиональный художник.

Так они начали встречаться и общаться — *художник и сантехник*. Он жил практически напротив нас, в трехэтажном богемном доме, откуда периодически доносились вокальные трели и фортепианные звуки сонат. Юрий поражал сестру своими картинами, висевшими на стенах мастерской: все какие-то пейзажи, портреты да «голые девахи»; регулярно выгуливал ее в кафе и делал пустячные подарочки. Однажды дал на время поносить вельветовые штаны своей дочери — та как раз уехала с матерью в санаторий, — но строго-настрого наказал вернуть к определенной дате.

Как раз к этой дате (прямо накануне сессии) сестра загремела в больницу с сифилисом: одного из ее бывших дружков подвергли принудительному лечению и велели составить список всех партнеров за энное количество времени. Первой в этом списке оказалась моя сестра.

В больнице Вике несказанно нравилось: она частенько звонила домой, со смехом рассказывала о девчонках в палате — какие они все веселые, остроумные и заботливые. Вот такое общество, мол, ей по душе — она бы здесь хоть полжизни провела, так ей с ними, с подружками, хорошо.

Конечно, Вика провалялась на казенных простынях не полжизни, но почти месяц точно — когда же выписалась, узнала сразу две новости. Во-первых, горестудентку отчислили из училища за несданную сессию, и тут уже отец ничего не мог сделать для ее спасения. А во-вторых, скоропостижно скончался от инфаркта Викин романтический художник.

Ни одна новость не вызвала у сестры особых эмоций — правда, она была ужасно довольна, что теперь не нужно возвращать вельветовые штаны. Вот ведь как *удачно все обернулось*, радовалась Вика и в память о Юрии таскала брюки, пока те не протерлись до дыр...

Забросив учебу, сестра с головой погрузилась в бродяжничество и теперь уже покидала отчий дом на целые месяцы. К тому времени родители смирились с ее постоянным отсутствием и стали более спокойно относиться к кочевому образу жизни непутевой дочери.

Когда Вика уставала от скитаний и временно возвращалась домой, отец пытался пристроить ее на работу — то нянечкой в детсад, то даже секретаршей в собственную организацию. Обычно у сестры хватало терпения на полторы-две трудовых недели, а потом в глубинах ее разума что-то щелкало, и она, ни с кем не попрощавшись, навсегда уходила с работы.

В то время Вике уже исполнилось восемнадцать, и она начала подумывать о серьезных отношениях — у нее стали появляться *постоянные* спутники. Именно тогда познакомилась и с будущим супругом — Виктором, но прошло еще немало лет постоянных метаний от одного мужика к другому, прежде чем они наконец поженились.

Как-то раз сестра вернулась домой после нескольких месяцев проживания неизвестно где и неизвестно с кем. Одета была кое-как, казалась то ли отекающей, то ли погрузневшей и целую неделю ходила будто в воду опущенная. Потом, правда, отошла, посвежела, стала много готовить и ела за двоих, что было для нее совсем нехарактерно — при этом на глазах росла виришь. Вечерами за ужином отец подозрительно смотрел на Викины округлившиеся тела и однажды не выдержал, спросил:

— Ну что, рожать-то когда будешь?

— Че-о-о-о? — протянула та и в замешательстве уставилась на него круглыми глазами. Потом вздохнула и неопределенно сказала: — Где-то летом.

— А папаша кто? — сурово поинтересовался старик.

— Да так, есть там один... — пробормотала Вика и пожала плечами.

Было непохоже, что она сама точно знает, кто же отец будущего ребенка. Когда в девятнадцать лет Вика родила первенца, то записала его как *Станислав Дмитриевич*, для отчества воспользовавшись именем парня, с которым начала встречаться месяца за три до рождения сына. Так что тайна отцовства моего племянника по сей день остается нераскрытой. Как и многие другие тайны Викиной жизни...

С рождением Стаса завершилась эпоха сумбурной юности моей сестры — она вступила в пору *молодости*.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МОЛОДОСТЬ

Попытка переворота

В Викиной жизни наступила относительно ровная полоса: дом, ребенок, регулярные прогулки с молодыми мамами, что жили у нас во дворе. На время ее стала устраивать такая оседлая жизнь, и родители наконец-то успокоились.

Бывало, конечно, что сестре становилась слишком уж тоскливо сидеть в четырех стенах, и тогда она уходила часа на два-три встретиться с кем-нибудь из старых знакомых. Если дело было днем, детеныша, разумеется, оставляла на меня. Я неизменно злился: мне хватало собственных занятий и вовсе не хотелось возиться с мокрыми пеленками да бутылочкой для вскармливания, — мы даже, как в детстве, снова начали друг на друга кричать, обвиняя один другого в эгоизме.

Пришло время отдавать Стаса в детский сад, и тут с Викой произошло чудо чудное: она решила устроиться на работу. Понятно, что именно в тот садик, куда собиралась водить ребенка. Это была первое и последнее рабочее место, на котором сестра продержалась несколько лет — там она трудилась до тех пор, пока Стас не пошел в школу.

Вика устроилась поваром и работала на кухне с большим удовольствием: готовить она умела и любила, так отчего ж не позаниматься приятным делом, если за него еще и платят? Зарплата, конечно, была крошечная, поэтому Вика подрабатывала в детсадовской прачечной — еще три копейки к основной ставке. Впрочем, сестра не роптала: за содержание сына платить не нужно, сама могла весь день есть до отвала — пока сварит, уже сыта по горло, — так что денег хватало. Причем не только на жите-е-бытье — она даже какое-то золотишко ухитрилась покупать: цепи с кулончиками, кольца, серьги. Золото любила безумно — и за то, что в нем любая баба-яга становилась «королевишной», и за то, что драгметалл всегда можно было обратить в денежный эквивалент.

Именно в ту пору Вика «подружилась» с городскими ломбардами и уже никогда с ними не расставалась: как только задумает что-то срочно купить, но средств не хватает, тут же берет в охапку свое «богачество» — и айда закладывать. За украшение стоимостью в сто рублей ей дадут сорок с полтиной — она и рада: мол, как все удачно получилось. А то, что через месяц нужно будет возвращать шестьдесят — так это уже пустяки, прорвемся! — словом, тот еще бизнесмен. В

большинстве случаев сестра умудрялась наскрести денег и вовремя выкупить свои драгоценности. Если же, бывало, вообще сидит на мели, то без сожаления оставляет золото у скупщика: дескать, подумаешь, беда, другое что-нибудь куплю — на мой век цепей с сережками точно хватит! И покупала, и снова несла в ломбард, и не было конца этому *круговороту золота* в ее жизни...

Тогда же сестра серьезно занялась зубами — к тому моменту они пришли просто в катастрофическое состояние. Вика мужественно преодолела свой страх перед зубоврачебными процедурами и начала лечение у дантиста. Вскоре, по ее словам, *ходила к врачу, как к себе домой*, и даже боль при сверлении была не такая ужасная, как вначале: человек ведь ко всему привыкает, с мудрым вздохом говорила Виктория.

Пришла пора протезирования. С тогдашними технологиями за версту было видно, что челюсть вставная, но все равно с отремонтированным ртом Вика стала почти красавицей. Она стала часто и охотно улыбаться, посверкивая золотыми коронками — ну или *как бы* золотыми: денег было не слишком много, пришлось довольствоваться напылением, но в любом случае смотрелось *богато*.

Преодолев все стоматологические мучения, Вика словно прошла обряд очищения, освобождения от прошлой безалаберной жизни. Это и в самом деле был период ее *персонального Ренессанса* — она даже стала читать книги! Правда, скорее от скуки: ее тогда на неделю положили в больницу и нужно было чем-то себя занимать, — но все равно это был прорыв. Вика проглотила два-три детектива Агаты Кристи и уверяла, что получила массу удовольствия.

Но что самое важное, у сестры сменился круг общения — наконец-то ее перестали окружать маргиналы и недочеловеки. Вика с восхищением говорила о своих детсадовских коллегах — мол, какие они все добрые, веселые и как ей с ними хорошо. Особенно ценила минуты, когда девчонки делали перерыв и собирались на перекур в крошечном «предбаннике», ведущем на кухню: там они сплетничали, делились последними новостями и хохотали как безумные, — идеальные условия для того, чтобы Вика чувствовала себя счастливой.

Однажды она пригласила домой двух сотрудниц, о которых теплее всего отзывалась. Бывшие одноклассницы — Элина и Елена — теперь и работали вместе: первая была завхозом, вторая — кухонным работником. Обе пришли замерзшие, с тридцатиградусного мороза, и попросили согреть их кипятком.

Пока сестра с Леной готовили чай, Элина — черноволосая красавица, говорящая не хуже, чем диктор Центрального телевидения, — изучала мою библиотеку. Увидев на полке пару томиков Блока, пришла в восторг: сказала, что это ее любимый поэт и что она совсем не ожидала обнаружить его книги в доме такой простушки, как Вика. Я, в свою очередь, подивился: никак не думал, что моя сестра, *повелительница кастрюль и сковородок*, может дружить со столь образованной и интересной особой, — Лина казалась человеком из высших слоев общества.

После чая мы вчетвером сели играть в дурака. Оказалось, что не хватает девятки бубен — видимо, Стас разворошил колоду и куда-то засунул одну карту. Лина, недолго думая, отрезала кусок картона и изобразила на нем нужные знаки, а потом еще нарисовала лошадиную морду. Мы так и назвали новую карту — *бубновая лошадь* — и наделили ее силой побивать даже козырного туза. Пока боролись за право обладания этим «козырем», насмеялись до колик в желудке.

С тех пор прошло — страшно подумать — тридцать лет, но благодаря Элине и ее роскошной *бубновой лошади* я помню тот день совершенно отчетливо, будто все было лишь вчера.

Спустя полгода я временно присоединился к группе обслуживающего персонала в Викином детском саду: в школе нужно было проходить летнюю *производственную практику*, и, вместо того чтобы ехать с классом на поля, я решил устроиться на июль месяц мойщиком посуды в садике — во-первых, в двух шагах от дома, а во-вторых, там была уже знакомая мне веселая компания.

Меня не слишком обременяли работой. Отмыв в кухонной ванне огромные кастрюли и прочую посуду, я был свободен для общения с народом и, конечно, больше всего времени проводил за беседами с Линой. Мы часами говорили о фильмах, книгах, обсуждали какие-то происшествия, а однажды она предложила изысканное интеллектуальное развлечение — разгадывание *логических загадок*.

Элина обрисовывала некую ситуацию — в основном детективного толка, с таинственной смертью, — я же путем наводящих вопросов должен был определить, что лежало в основе преступления. При этом на мои вопросы она могла отвечать лишь «да» и «нет». Я не отличался сообразительностью и тратил по полдня, разгадывая историю, но все равно было безумно интересно.

В то лето Вика проходила медицинский осмотр и время от времени убегала с работы, чтобы попасть на прием к одному-двум врачам. Так как сестра все делала вопреки нормальной человеческой логике, было бы удивительно, если б она тогда не *начудила*.

Разрезав на две части школьную тетрадь, Вика завела санитарную книжку, и доктора на каждой странице делали отметку о результатах осмотра. Обычно они скрепляли свои записи врачебной печатью, но терапевт, как правило, ставил лишь подпись, обходясь без штампа. Поэтому сестра ради экономии времени и сил решила к нему не идти и самостоятельно сделала запись от его лица, а начальнику медкомиссии железнодорожной поликлиники сказала, что прошла терапевта в клинике УВД. Тот не возражал, ему было все равно.

Отметившись у всех врачей и увенчав заключение терапевта собственной подписью, сестра спокойно сдала книжку директору детсада, а сама пошла с девочками на перекур. Вдруг в курилку подобно урагану вбежала директриса. Размахивая санитарной книжкой, она закричала:

— Вика, ты *когда* проходила терапевта?

— Как когда? Вчера, — глядя на нее честно вытаращенными глазами, сказала сестра. — Там же число стоит.

— Вика, сейчас *какой год* идет? — воскликнула директриса.

— Восемьдесят восьмой, — пожалла плечами сестра.

— А почему же тогда запись от июля *восемьдесят девятого*?! —

— Рита Петровна, честное слово, не знаю, — развела руками та и еще честнее выпучила глаза — мол, *сама удивляюсь*. — Врач-то *нанаец*, пишет невесть что!

— Вика, мне плевать, кто там врач! — бесновалась директриса. — Мне нужно, чтобы у тебя книжка была в порядке!..

И пришлось сестре заново проходить медосмотр, целую неделю по жаре мотаясь в поликлинику. А в саду над ней еще долго потешались — чуть что, разводили руками и сокрушенно говорили: «Так ведь *нанаец* — что с него взять!» Все в голос ржали, а пуще всех Вика — она всегда умела над собой посмеяться, этого у нее было не отнять.

Свадьба в Малиновке

Прошло некоторое время, и сестре начала приедаться оседлая жизнь. Она снова принялась заводить *серьезные отношения* и переезжала жить то к одному

спутнику, то к другому. Причем Стаса всегда оставляла на попечение родителей: к тому моменту она уже вволю наигралась в *молодую маму* и опять жаждала быть ничем не обремененной *девицей на выданье*.

Однажды Виктория случайно повстречала своего давнишнего кавалера — Виктора — и внезапно вспыхнула к нему пламенной любовью. Чувство оказалось взаимным, и они решили пожениться. Наши родители даже обрадовались: парень он был молодой и привлекательный, всегда вежливый и тактичный, работал сапожником и жил в приличной семье с отцом и младшим братом, — по всем параметрам подходящая партия для Вики. К счастью, папа с мамой не знали, что и Витька, и его папаня, и несколько кузенов успели отсидеть, обогатившись специфическим жизненным опытом, поэтому с легким сердцем благословили дочь на брак с *приятным во всех отношениях* молодым человеком.

В свидетели Вика пригласила Элину, ее же попросила быть тамадой на свадьбе: у той был богатый опыт проведения подобных мероприятий, поэтому лучшую кандидатуру вряд ли удалось бы найти.

К тому времени Лина уже ушла из детского сада, и после моей работы там мы не виделись больше двух лет, — теперь же вновь представился случай с ней пообщаться. Лина попросила меня написать для молодоженов поздравительные стишки, нарисовать пару газет и спеть за столом какую-нибудь умильную песню. Я не нашел ничего более умильного, чем детская песенка про двух влюбленных собачек:

*Целый день я сижу на цепи на тонкой,
На тебя все гляжу, милая болонка.
Хочешь, миску оближи — что ты на меня так косишься?
Ты скажи, ну ты скажи, как ко мне относишься.*

По случаю свадьбы Виктория сделала химическую завивку и нарядилась в блестящий костюм, в котором напоминала украшенную мишурой новогоднюю елку: к тому времени вкус в одежде у нее начал понемногу портиться — сказывался образ жизни и, мягко говоря, невзыскательный круг общения.

Торжественный обед проходил у нас дома. В большую комнату набилось неимоверное количество гостей — по большому счету то была Витькина родня, впоследствии изводившая маменьку своими неожиданными визитами: бедная, она не знала, куда от них прятаться и под каким соусом выпроваживать.

Благодаря Лине застолье проходило динамично и весело, к тому же, она умело руководила поздравительными выступлениями не слишком адекватных родственников жениха: если один из пьяных гостей *уголовно-пролетарского* толка начинал произносить мудреную речь и никак не мог из нее выкарабкаться, Элина удачно подхватывала его слова и ставила элегантную точку.

Единственный приличный тост подготовила Татьяна, наша старшая сестра. Филолог по образованию, она остроумно обыграла имена молодых.

— Вика и Витя, вы не случайно решили связать свою жизнь друг с другом, — сказала Татьяна. — *Виктор* означает Победитель, а *Виктория* в древнеримской мифологии вообще была богиня Победы. С такими именами вам нестрашны никакие беды и жизненные невзгоды, вместе вы *победите* любую напасть! Предлагаю выпить за *всепобеждающую* любовь наших молодоженов!

После свадебных торжеств молодые стали жить в доме мужа, а Стаса оставили у нас: во-первых, все уже привыкли, что его растят бабка с дедом, а во-вторых, у Виктора в двухкомнатной квартире и так была куча народу.

Спустя три года Вика подарила супругу дочку Катю — девочка стала его радостью, его счастьем, его «королевой». Стас с удовольствием ездил играть с маленькой сестренкой, и в семье царили совет да любовь. Ай да Виктор с Викторией, ай да молодцы — получается, они и впрямь были *победители!*..

Вика и Витя Куролесовы

А потом жизнь в семействе «победителей» пошла наперекосяк — все началось после того, как умер Витькин отец. Старик до самого конца сдерживал склонность старшего сына к пьянкам и мордобитию, когда же его не стало, Витек почувствовал свободу, распоясался и стал показывать, кто теперь в доме хозяин. Если он принимался пить, доставалось и Вике, и младшему брату Вовке, — благо, дочь никогда ни единым пальцем не трогал, даже если находился в невменяемом состоянии.

Как-то вечером во время пьянки Виктор разошелся, повалил брата на пол и стал бить ногами по голове. Тот молча вытерпел наказание, ушел спать в свою комнату, а утром его обнаружили сидящим на кровати с совершенно безумным выражением лица. Ему: «Вова, Вова, с тобой все в порядке?», а он лишь таращил пустые глаза и что-то нечленораздельно мычал.

Протрезвевшие домашние испугались, вызвали скорую, и бедолагу увезли в больницу, где он через неделю скончался, не приходя в себя. Правда, в графе «причина смерти» написали *менингит* или что-то в этом роде, но все прекрасно понимали, *что* на самом деле унесло жизнь парня, которому едва исполнилось двадцать пять.

Не успели похоронить Вову, как умер Витькин кузен Иван: как-то раз он пришел домой, с мороза залез в горячую ванну и там отдал концы. Это было неудивительно: Ванек пил не просыхая, давно уже опустился и превратился из аккуратного белокурого юноши в вечно опухшего от водки бича, — понятно, что сердце не выдержало такой нагрузки.

Все эти печальные события — смерти, похороны, поминки, девятины и сорокадневные обряды — требовали усердного питания. Витя с Викой и пили — не пить было невозможно: родня не одобрит такого неуважения к памяти усопших. «Бухали» по несколько дней кряду, до посинения и полного беспамятства, но, к счастью, имели крепкий молодой организм и быстро приходили в себя: через два-три дня и не скажешь, что были вусмерть пьяные.

Сестра в то время уже не работала в детском саду — перебралась в столовую, что находилась поближе к дому. Когда случались такие «вынужденные» запои, она забывала, что нужно выходить на работу, — к счастью, хозяйка ее любила и в очередной раз прощала, не увольняла. «Пасть у тебя поганая, подруга, — ворчала она, — но руки золотые. Не могу выгнать взащей, хотя давно надо бы...»

Однажды чудесным летним днем я сидел за фортепиано, разучивая к уроку какую-то джазовую пьесу. В дверь позвонили, и отец пошел открывать.

— Е*** твою мать, это что еще такое?! — услышал я из коридора его голос с характерными интонациями, выражающими возмущение и брезгливость.

В комнату ввалилась Вика в совершенно непотребном состоянии и виде: у нее было почти черное лицо с остекленевшими глазами, распоротый подол платья висел лохмотьями, на туфлях комьями засохла грязь.

— Ой, папка, плохо мне, плохо, — пробормотала сестра, еле ворочая языком, и было заметно, что это на самом деле так. — Ох, подыхаю, шас помру!

— Что, допилась, сука?! — гневно воскликнул отец и схватился за голову. — Ну так и подыхала бы себе с собутыльниками — а домой-то че приперлась?!

— Сил больше нет с этими алкоголиками, — пробурчала Вика, падая на диван прямо в обуви — судя по всему, сил разуться у нее тоже не было.

— *С этими алкоголиками!* — издевательским тоном передразнил ее тот. — А сама-то кто?! Пьянчужка, самая настоящая пьянчужка — посмотри на себя!

— Папка, ну не надо так, — плаксивым голосом попросила Вика, безвольно уронив голову на руки, — ничего я не пьянчужка. У тебя есть водка? Мне нужно опохмелиться и полежать, или я сдохну.

— Куда тебе *еще* пить?! — презрительно глядя на дочь, сказал старик. — Шла бы лучше в ванну — грязная ведь, как зверюга лесная.

— Да ну ее, ванну, — сделала она слабый протестующий жест рукой. — Я вот тут, на диванчике, полежу прямо в одежде. Мне водки немного надо... Дай, а?

— Эх, чтоб ты провалилась, дочь, — с досадой сказал отец и тяжело пошел на кухню. — Сейчас принесу — закусывать чем будешь?

— Не надо закуси, — махнула рукой Вика. — Просто водки.

Старик принес сестре полбутылки «Русской». Она медленно пила, снова и снова дрожащими пальцами наливая водку в рюмку. Сушив бутылку, Вика прилегла на диване, подложив руку под голову с давно не мытыми, спутанными волосами, и уснула мертвым сном. Спала ровно сутки, до следующего полудня, изредка постанывая и что-то нечленораздельно бормоча во сне.

Я навсегда запомнил тот день, потому что в моем сознании он разделил Викину жизнь на две части: для сестры началась эпоха страшной неизлечимой болезни, имя которой — *алкоголизм*. Ей тогда было тридцать лет.

Жизнь без прикрас

На несколько лет Вика почти исчезла из поля зрения нашей семьи. С головой погрузившись в жизнь профессионального алкоголика, она уходила в затяжные запои и не появлялась дома по несколько месяцев.

Как-то сестра пропала на целый год — никто знать не знал, где она обитает и на какие средства существует. Родители время от времени высказывали предположение, что непутевой дочери уже нет в живых, а однажды собрались с духом и выпили за помин ее души. Что бы вы думали — через неделю после «поминок» Вика восстала из мертвых и поведала какую-то спутанную историю о том, что ее держали в рабстве, из которого ей чудом удалось вырваться.

Может, сестра и правда побывала в подобной переделке, но скорее всего насочиняла — в любом случае, все, что она говорила, нужно было делить на десять: у нее развилась непреодолимая потребность вводить людей в заблуждение. Вика врала всегда и всем, по поводу и без — знала, что рано или поздно выведут на чистую воду, и все равно тоннами вешала лапшу на уши. А потом еще жаловалась, что окружающие ее обижают и распускают кулаки.

Понятно, что при таком образе жизни ни о какой стабильной работе речи идти не могло. Если и устраивалась куда-нибудь, на время оклемавшись от пьянки, то держалась там не больше недели — затем снова срывалась.

Однажды Вика решила вернуться в любимый детский сад. Директриса взяла ее прачкой — так эта артистка загрузила в машинку грязные вещи и ушла посреди рабочего дня, прихватив с собой пару комплектов казенного белья. Скорее всего, тут же обменяла его на бутылку какой-нибудь «паленой» водки и, само собой, больше в саду не появлялась.

Пойло нужно было на что-то покупать, и прежде всего Вика за бесценок спустила все свое золото. Потом принялась опустошать дом: потихоньку с полок исчез хрусталь, пропала более или менее приличная одежда — не только ее, но и Витькина, потом дело дошло до бытовой техники. Когда продавать стало нечего, она стала приезжать к родителям, чтобы «занять» немного денег.

В один из таких приездов Вика оставила у нас Катю, и старики, обреченно вздохнув, стали растить ее вместе со Стасом. Когда девчонка пошла учиться, мама каждый день возила ее на автобусе в школу по месту прописки и забирала домой, — на эти передвижения у нее уходило по полдня.

А сестра с супругом, не обремененные ни семейными, ни социальными обязательствами, в это время куролесили. Как-то раз, жестоко упившись, Витька сцепился на районе с кем-то из таких же алкашей, и в драке ему сломали ногу. Самое смешное, врачи не знали, куда его прежде всего везти — то ли в психушку с белой горячкой, то ли в травматологию. В конце концов положили в обычную больницу. Вика на время перестала пить и стала его навещать с гостинцами. А Витек, не успев выписаться, в благодарность за заботу избил жену — после этого у Вики на лице появился синяк, который уже никогда не исчез, навеки остался темным пятном вокруг глаза.

Из алкоголиков — в трудоголики

Так прошло восемь или девять лет. Вика проживала жизнь в пьяном угаре, постепенно превращаясь в одного из тех самых *недочеловеков*, к которым ее так влекло с ранней юности. И если у алкашей есть свои *понятия* и *кодексы чести*, то сестра со временем и им перестала соответствовать: общалась и пьянствовала даже с теми, с кем, по словам Виктора, «из одного стакана не пьют».

Скрываясь от родственников, она перемещалась с одной *блатхаты* на другую и «шифровалась» не хуже, чем главный герой фильма «Поймай меня, если сможешь». Повзрослевшие Стас с Катей порой объезжали весь микрорайон, чтобы отыскать свою непутевую мамашу. И хотя она гордо заявляла, что никогда «ниже подвала не опускалась», однако и это была неправда: иногда ее извлекали чуть ли не из канализационных люков.

Дети силой волокли Вику домой, отмывали и откармливали, держали в квартире взаперти, пока она не принимала относительно очеловеченный вид. Но приходил день, когда она под каким-нибудь предлогом выходила на улицу — и снова исчезала на недели и месяцы.

Все поражались: какое же здоровье нужно иметь, чтобы почти десять лет *так* пить, практически ничего не есть и все еще оставаться в живых. Наверное, у алкашей начинает работать особая система выживания, шутили мы. Возможно, так оно и было...

А потом не иначе как произошло чудо: Вика словно очнулась от дурного сна и *закодировалась от алкоголизма* — причем не на год-два, а на целых шесть лет! Спиртные напитки перестала даже на нюх выносить: ее в прямом смысле тошнило от одного только запаха пива. Глядя на супругу, Виктор последовал ее примеру: видать, тоже надоело регулярно валяться в дурдоме с белой горячкой. Словом, наступила *эпоха Возрождения*.

Вика закодировалась как раз вовремя, чтобы в здравом уме и при твердой памяти пережить смерть матери — та умерла в 2006 году, успев перед кончиной порадоваться внезапному возвращению дочери к нормальной жизни. Вика помогла

приготовить поминальный стол (тогда это еще делали дома) и за обедом, понятное дело, пила только воду.

Затем сестра устроилась на работу в продуктовый ларек недалеко от дома. Хозяином ларька был некий *Николаевич*, мелкий бизнесмен преклонного возраста. Какое-то время он присматривался к Вике, следил за торговлей и пришел к выводу, что это *самый честный продавец в мире*.

После испытательного срока хозяин целиком вверил торговлю в руки сестры и даже перестал проверять данные расходов и приходов. Вика смекнула, что Николаевич тот еще лох, и стала вести *теневой бизнес*: два рубля с продажи кладет в кассу, рубль — к себе в карман. Довольно долго она дурила хозяина, пока однажды тот не устроил ревизию и не обнаружил недостачу в размере тридцати с чем-то тысяч. Понятно, что он тут же выгнал «самого честного продавца» и обязал ее выплатить недостающую сумму.

Чтобы рассчитаться с немалым долгом, Вика впервые в жизни взяла кредит и с тех пор, подобно миллионам людей, стала работать *на банки*. Устраивалась то в киоски, то в столовые и как-то сводила концы с концами. Надо отдать ей должное, работала много и добросовестно — наверное, за годы пития соскучилась по нормальной человеческой деятельности.

А еще некоторое время спустя случилось вообще из ряда вон выходящее: сестра решила открыть собственное дело! Проходя как-то по небольшому рынку мимо ряда торговых точек, увидела на одном из закрытых киосков объявление о продаже и вдруг осознала, что страстно желает его заполучить, начать работать на себя и быть совершенно независимой.

Вика стала бредить этой идеей — только вот где же взять необходимые сто соток тысяч на покупку ларька? И тут судьба послала ей спонсора в лице — сейчас умрете от смеха! — Николаевича, ее бывшего работодателя. Оглядев киоск, он одобрительно покивал головой и предложил Вике в долг необходимую сумму — сверху только накинул еще шестьдесят тысяч в виде процентов. Сказал, что она может выплачивать деньги в удобном ей темпе, чтобы оставалось и на развитие бизнеса, и просто на жизнь.

Вика была на седьмом небе от счастья: собирая документы и оформляя ИП, буквально летала на крыльях. Когда она гордо продемонстрировала специально изготовленную печать предприятия, на которой была вырезана ее фамилия, мы были в шоке: *Вика — бизнесмен?! Сестра же всем напомнила, что ее имя означает «победительница»* и что при желании она может горы свернуть. С ее стороны это и правда была невероятная победа над обстоятельствами и над собой в том числе.

Киоск стал приносить ощутимые доходы, и Вика этому жутко радовалась. Она завела список платежей, которые необходимо было делать в течение месяца, и подчеркивала, что у нее не бывает неоплаченных долгов. Почувствовав, что может зарабатывать реальные деньги, взяла сразу несколько кредитов: ну как же, хочется ведь пошиковать — пластиковые окна в квартире вставить, Катьке компьютер купить, телевизор на полстены, — а на такое все-таки требуются большие суммы. Муж сильно не раскошелится: заплатит за квартиру, но остальное — будьте добры сами, — поэтому сестра и принимала без разбора все «самые выгодные» банковские предложения.

Спустя какое-то время в ларьке стали происходить мелкие недоразумения. Сначала местные хулиганы вскрыли на улице холодильник и утащили все напитки, что там находились. Затем сломались железные жалюзи, а это означало, что невозможно было оставить киоск без присмотра: его бы в момент разграбили. Какой же выход нашла Вика? Самый беспроигрышный: ожидая, когда свалятся деньги на новые жалюзи, начала работать по ночам.

Отстояв ночную смену, сестра дожидалась, когда дочка придет из школы и сменит ее на два-три часа; шла домой, где спала пару часиков, и снова на сутки в ларек. В таком удивительном режиме бесконечной работы и бессонных ночей проходили недели и месяцы, а месяцы незаметно складывались в годы. Было ощущение, что Вика проводит над собой дикий *эксперимент на выживание*, с маниакальным упорством пытаясь выяснить, как долго организм человека может просуществовать в таких ненормальных условиях.

— Вика, в чем дело? — спросишь ее, бывало. — Неужели ты за все время не накопила денег на какие-то несчастные жалози? Ты ведь тратишь десятки тысяч на всякую ерунду, а на то, что действительно нужно, у тебя никогда нет.

— А, я уже привыкла так работать, — беспечно махала она рукой. — Да и торговля ночью идет хорошо — в такое время пиво на рынке только у меня и можно купить. Люди знают и идут прямо сюда — заодно общаюсь со всеми, здесь весело. Покупатели меня любят — говорят: *у тебя, Викуля, душа большая!*

В общем, Вика придумала миф о том, что *нужна людям*, что без ее ночной работы никак не обойтись, и не хотела ничего менять в таком порядке вещей.

На самом же деле она лишь сменила один вид зависимости на другой — из *алкоголика* превратилась в *трудоголика* и со своим киоском вскоре стала выглядеть не лучше, чем в то время, когда беспробудно пила: совсем отошала, но при этом у нее сильно раздулся живот; под глазами залегла вечная чернота, а поредевшие и поседевшие волосы висели по сторонам как пакля. Когда-то первая модница, сестра потеряла всякий интерес к одежде и одевалась теперь во что попало — лишь бы ночами не мерзнуть в своей железной клетке. Одним словом, это снова была не жизнь, а странное существование на грани безумия.

Отпахав в киоске около трех лет, Вика наконец-то выплатила Николаевичу двести тысяч и с облегчением вздохнула: теперь можно и на себя поработать. Однако у судьбы были другие планы в отношении сестры.

Однажды ночью в ларек постучали. Вика привычно открыла окошко, и тут на нее уставилось дуло охотничьей винтовки. Сестра насмерть перепугалась, но сумела захлопнуть окно и проорала воображаемому напарнику: «Жми кнопку!» — вроде как ларек оборудован системой сигнализации.

К счастью, Викины действия возымели успех: она услышала, что человек с ружьем убегает по гулкой ночной улице, — однако после пережитого стресса не нашла иного способа успокоить нервы, кроме как залпом выпить бутылку пива. Потом еще одну, и еще... Так печально закончилось ее многолетнее воздержание от алкоголизма.

Спустя несколько дней после происшествия Вика приехала к нам — не то чтобы в невменяемом состоянии, но и не совсем трезвая. Увидев, что *беспутная дочь* снова пьянствует, отец сильно разозлился и начал по старой памяти читать нотации. Впрочем, тут же великодушно предложил оплатить из собственной пенсии сеанс повторного кодирования.

— Ой, нет, папка, я больше туда не пойду, — со страхом пяля на него глаза, заплетающимся языком проговорила Вика. — После сеанса так страшно — волком выть хочется. Я лучше пойду в Амуре утоплюсь.

— Ну так и шла бы топиться — че сюда-то приперлась?! — в своей обычной манере воскликнула старик и побрел на кухню глотать сердечные капли.

В это время позвонил Витька — он с Катей уже сутки разыскивал Вику: та бросила ларек практически открытым и ушла неизвестно куда. Узнав, что она у нас, тут же примчался еще с одной новостью: рынок в эти дни закрыли на ремонт, нужно было срочно отключать киоск от электричества и куда-то перевозить.

— Вика, что дальше делаем? — рассудительно спрашивал Виктор, наивно полагая услышать от нее адекватный ответ. — Занимаемся переездом или все на фиг бросаем?

— Бросаем, — махнув рукой, равнодушно сказала та: сейчас ей все было до фонаря. — Пошел он куда подальше, этот киоск...

Витька отвез жену домой; ее опять держали взаперти, приводили в чувство, а он в это время все-таки сумел перетащить киоск на новое место: поставил его рядом со своей сапожной мастерской.

Потом Вику снова закодировали, но в ларек она больше не вернулась...

Окочевшая душа

В середине декабря 2013 года Витька укатил в тайгу под Биробиджаном. Официально он туда ездил отдыхать в *зимовье* — охотничьем домике своего старого приятеля, на самом же деле — покупать *веселую травку*: любил время от времени выкурить «косячок». Обычно Витек возвращался под Новый год, как раз к столу, однако на этот раз не приехал ни к празднику, ни даже когда вся страна вышла на работу после массовых каникул.

Викторию не сильно беспокоило отсутствие мужа — скорее, наоборот, она испытывала облегчение, что дома никто не ворчит и не орет по малейшему поводу. К тому времени сестра устроила на квартире *частный детский садик* — теперь они с Катей вдвоем ухаживали за чужими детьми, — поэтому Витькина затянущаяся отлучка была ей только на руку.

В середине января Вика все-таки пошла в полицию и написала заявление о пропаже: впрочем, тревожилась она не за опостылевшего супруга, а за себя: не дай бог еще привлекут к уголовной ответственности за то, что скрыла факт исчезновения человека.

Через неделю сестре позвонили и сообщили, что обнаружили замерзший Витькин труп: дескать, заблудился в тайге и умер от переохлаждения организма. Уже значительно позже полицейские сказали, что на самом деле его прикончили, но дело, кажется, так и закрыли, не потрудившись найти убийцу.

Вика восприняла новость спокойно — предчувствовала, что все закончится именно этим — и стала искать деньги на доставку тела из биробиджанского морга и погребение. Сколько-то у нее было в зачатке, немного помог Стас, я кое-что дал, племянники подбросили денюжат — словом, основные расходы на похороны и поминальный стол легли на плечи нашей родни. Ну а Витькины оставшиеся в живых родственники и друзья помогли его душе перейти в мир иной с помощью доброго слова: на поминках они много говорили и обильно плакали.

Одна только вдова покойного сидела за столом в глубоком молчании — когда же ее просили произнести речь, лишь отмахивалась, как от надоедливых мух, и опускала глаза. Да и что она могла сказать? Что внутри давно *окоченела*, что в глазах не осталось ни слезинки, что прощание с мужем для нее — не более чем ненужный фарс, вогнавший в новые долги? Но перед портретом усопшего так говорить было нельзя, поэтому Вика скорбно молчала — лишь время от времени издавала тяжелый вздох и делала глоток воды из стакана.

На поминках сестра сидела в зимней шапке, задрюканной черной кофтейке и старых мужских брюках — вся какая-то сгорбившаяся и бесконечно уставшая от жизни. Я вдруг увидел, что это уже не молодая женщина в расцвете лет, а самая настоящая *старушка*. Ей тогда исполнилось сорок семь...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. НЕНАСТУПИВШАЯ СТАРОСТЬ

Мечты, мечты...

— Мое пятидесятилетие будем отмечать в ресторане, — оживленно говорила Вика, возясь с малышами своего круглосуточного детского сада. — Я себе куплю синее вечернее платье, золотое кольцо и большие кольца в уши — такие, как у меня были на фото в первом паспорте. Помнишь, Ромашильда?

— Конечно, помню, — отозвался я: на той фотографии шестнадцатилетняя сестра вышла просто великолепно — наверное, лучше, чем в жизни. В юности я даже ее портрет рисовал по этому снимку...

Вика курила в кухонное окно, держа на руках *Изю* — бледенького годовалого мальчонку. Молодая мамка сдала его в садик, а сама ушла улаживать собственную личную жизнь — к тому моменту она уже месяц не объявлялась, и Вика беспокоилась, как бы Изя (на самом деле — Илья) не остался у нее навечно: кушал ребенок много, а деньги на его содержание давно закончились.

В кухню зашла Катя со смартфоном в руках.

— Мама, ты сегодня подозрительно хорошо выглядишь, — сказала она. — Дай-ка я тебя снимаю, пока мои барышни спят.

Вика действительно казалась посвежевшей и даже вроде помолодела после Витькиной смерти — возможно, чужие детишки давали ей энергию и наполняли жизнь новым смыслом.

Через несколько дней Вика заехала к нам в гости в отличном расположении духа и с сияющими глазами — я давно не видел, чтобы они так лучились. Сказала, что на выходных собирается съездить с Катькой в Китай, и попросила занять десять тысяч — вдруг в поездке возникнут какие-то непредвиденные расходы. Я охотно одолжил ей деньги — отчего ж не дать на благое дело? Она немного поговорила с отцом, пообещала через неделю вернуть долг — и ушла.

Пару дней спустя позвонила Катя и сказала, что Вика с моими деньгами бесследно пропала — скорее всего, опять ушла в запой.

Финальный марафон

Тот последний запойный «марафон» длился больше года. Дети устали гоняться за пьяной матерью по всему городу и в конце концов плюнули: это *ее* жизнь, пусть гробит себя, если считает нужным.

В декабре 2015 года Катя по телефону сообщила, что у Вики обнаружили цирроз печени (да что вы — какая неожиданность!) и она желает какое-то время пожить у нас. И правда, где же еще доживать последние дни, как не в отчем доме, не удержался я от сарказма, но, понятно дело, добавил: «Пускай приезжает».

Сестра явилась с пакетом, в котором были все ее пожитки: несколько футболок, какие-то старые трико, кучка белья и блок сигарет. Пожаловалась, что пыталась лечь в больницу, а ее оттуда выгнали: мол, у вас отличное состояние, езжайте-ка домой.

Состояние у Вики действительно было «отличное»: она еле передвигалась на пунцово-синих ногах, постоянно морщилась от боли в раздутом животе и тихонько постанывала. Дни напролет сидела с отцом, уставившись в телевизор, ничего не ела и без конца курила.

За неделю до Нового года сестру все-таки положили в больницу: откачали из живота воду, немного подержали на капельнице и правильной диете, — однако

тридцатого числа выкинули, чтобы не портила врачам праздничные дни. Кому на фиг в это время нужны умирающие пациенты?

Наверное, это был самый печальный Новый год в нашем доме: старик-отец и стоящая на пороге Вечности сестра вяло поклевали праздничные салаты, часов до десяти посмотрели поздравительную клоунаду с обещаниями лучшей жизни и тихо, как привидения, разошлись по своим спальным местам...

Утром второго января я встал в самом прекрасном расположении духа. Выйдя в гостиную, увидел, что Вика уже проснулась и сидит на диване, накинув на голые ноги одеяло. По пути в ванную бодро поздоровался — сестра слегка повернула голову и исподлобья на меня посмотрела, но ничего не ответила.

В ванной я умылся и побрился, напевая под нос какой-то веселый мотив. Вернувшись в комнату, стал свидетелем трогательной семейной сцены: отец, притулившись на диване рядом с Викой, протягивал ей йогурт и уговаривал хоть немного поесть, — она же по-прежнему сидела, опустив голову, и никак не реагировала на его слова.

— Вика, — громко позвал я. — Вика, отзовись!

Реакции — ноль.

Почуввав неладное, тут же позвонил Стасу и велел немедленно приезжать: в случае срочной госпитализации нужно было с кем-то спустить Вику с четвертого этажа и отнести к карете скорой помощи. Пока племянник прогрел машину, я вызвал врача — оба приехали на удивление быстро.

Женщина-санитар измерила сестре давление — оно было таким низким, что речь шла уже не о больнице, а о реанимации. Мы со Стасом положили Вику на покрывало — как есть, в одной блузке-безрукавке, — сверху накинули еще одно, чтобы не выносить на мороз гольшом, и спустились на крыльцо.

У подъезда уже стояла каталка с носилками — мы уложили на них Вику и помогли водителю поместить в машину. Потом на Стасовом авто неслись по пустому городу вслед за скорой с включенной сиреной и мрачно гадали, успеют ли Вику доставить до места живой.

Успели — сдали ее недовольным докторам, которые долго на нас орали: вероятно, мы их оторвали от новогоднего обеда. Затем каталку с неподвижным телом сестры увезли в отделение, куда никого не пускают, а мы со Стасом еще потоптались в холле этой неприветливой больницы и поехали по домам. Теперь оставалось только ждать, как будут развиваться события. Хотя, конечно, все уже и так было ясно.

На следующее утро Кате позвонили из больницы и сообщили, что Вика скончалась ночью от инсульта. Благодаря обширному кровоизлиянию в мозг сестра отошла в мир иной, не приходя в сознание. Это была последняя победа Виктории: ей посчастливилось избежать невыносимую физическую боль, что до последнего дня терзает умирающего от цирроза печени. Наверное, не все в ее дурацкой жизни было так уже плохо и бессмысленно, раз она заслужила столь быструю и легкую смерть...

Похоронами в основном занималась Катя: как раз в то время она работала в ритуальном агентстве и знала, как все организовать подешевле. Решили, что Вику поместят в одной могиле с мужем — неизвестно, обрадовало ли их такое решение там, на небесах, но у нас на земле это было однозначно выгоднее.

Катя долго не могла найти приличную фотографию на памятник: на всех снимках последних лет Вика была то с глубокого похмелья, то с подбитым глазом или беззубым ртом, — для Вечности это явно не годилось. К счастью, в электронном архиве Катя отыскала тот самый снимок на кухне, который сделала незадолго до

материнского запоя: у Вики там была загадочная полуулыбка, как на фото в юности, — идеальный образ для памятника.

Наконец вспомнили, что Вика хотела отметить свой юбилей в длинном синем платье, и решили: пусть хоть напоследок полежит в красивом наряде, раз при жизни не довелось пошить.

В день похорон на кладбище стоял лютый мороз — глядя на Вику, лежащую в гробу в одном тоненьком платьице, становилось еще холоднее. Провожающие поминутно бегали к машинам, чтобы согреться дозой алкоголя.

Я смотрел на странное неподвижное создание, не веря, что это моя сестра: ну ни капли на нее непохоже. Понятно, конечно, что смерть меняет черты лица, но не настолько же! От Вики ничего не осталось — разве что ее *характерные* уши: затейливо выставленные гримером поверх волос, они казались несоразмерно большими по сравнению с остальными деталями «натюрморта».

Эту внешнюю непохожесть отмечали все присутствующие, поэтому людей не покидало ощущение абсурдности ситуации: а кого мы, собственно, хороним? Люди, разумеется, понимали, что перед ними Вика, но переживать и горевать по-настоящему как-то не получалось — даже Стас с Катей глядели на *женщину в гробу* скорее с отстраненным любопытством, нежели с чувством невосполнимой потери. Кто знает, возможно, это лучшее из того, что можно испытывать на похоронах близкого человека...

ЭПИЛОГ

Как-то по весне мы со Стасом поехали на кладбище посмотреть, в каком состоянии находится могила его родителей. И увидели следующую картину: Викин монумент, расколотый надвое, лежал рядом с бетонной плитой — в то время как надгробие Виктора спокойно стояло себе на месте.

Вообще так не бывает: памятники делают из чрезвычайно прочного камня, на века, и просто так они не быются — для этого нужно приложить необыкновенную силу. Но раз уж Вика при рождении умудрилась каким-то чудом выжить вопреки всем отягчающим обстоятельствам, то не мудрено, что и после смерти вокруг нее продолжали твориться *чудеса чудесные*. А может, это сестра с того света послала нам столь нелепый привет — с ней же никогда не знаешь, чего ожидать.

